

Вопросы экономики и права

№ 4
2009

Редакционный совет:

А.П. Торшин - председатель редакционного совета, Первый заместитель Председателя Совета Федерации, кандидат юридических наук

А.Г. Лисицын-Светланов - директор Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН

В.Н. Викторов - первый заместитель руководителя Аппарата Совета Федерации, доктор экономических наук, профессор

Ю.В. Голик - доктор юридических наук, профессор

В.А. Гамза - первый вице-президент Ассоциации региональных банков "Россия", кандидат юридических наук, кандидат экономических наук

С.Н. Сильвестров - заместитель директора Института экономики Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ

А.В. Мещеров - главный редактор журнала "Экономические науки", доктор экономических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Е.М. Ашмарина - зав. кафедрой финансового права Финансовой академии при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор

О.Ю. Бакаева - зав. кафедрой публичного права Саратовского государственного социально-экономического университета, доктор юридических наук, профессор

В.В. Болгова - главный редактор журнала "Вопросы экономики и права", кандидат юридических наук, доцент

Ю.В. Ильин - руководитель секретариата Первого заместителя Совета Федерации

А.А. Ливеровский - декан юридического факультета Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов (ФИНЭК), доктор юридических наук, профессор

И.В. Рукавишников - декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор

В.В. Симонов - начальник инспекции Счетной палаты РФ, доктор экономических наук, профессор

Подписной индекс **70180** (Агентство "Роспечать")

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г., выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охране культурного наследия

Редактор *Л.И. Гац, Н.И. Здорovenko*
Корректор *Н.И. Здорovenko*
Компьютерная правка и верстка - *О.В. Егорова*

Цена договорная

Учредитель - ООО "Экономические науки"
(125252, г. Москва, Чапаевский пер., д. 3, оф. 775)

© Экономические науки, 2009

Подписано в печать 24.03.2009 г.
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 6,05 (6,5).
Уч.-изд. л. 7,22. Заказ №

Отпечатано в издательстве ООО "24-Принт"

Научно-информационный журнал

В НОМЕРЕ:

Салихов А.Р. Институциональные факторы устойчивого развития	5
Бунимович И.Д., Семенов Г.В., Салихов А.Р., Хайруллин Р.К. Организационно-культурное измерение институциональной среды и его влияние на характер и типы инновационного развития	10
Гродский В.С. Диалектика исторического процесса формирования гражданского общества	15
Ревина С.Н. О некоторых вопросах административной ответственности в условиях рынка	23
Токарев В.А. Деконструкция субъекта учредительной власти в западноевропейской философии права Нового времени	29
Харитонова Е.Г. Проблемы структурных связей публичного права	34
Азархин А.В. О форме реализации военнослужащими права на обращение к должностным лицам воинской части	39
Касаткин С.Н. Словоупотребление и правовая теория. Язык юридической догматики	44
Annotations to the Articles	50

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

© 2009 А.Р. Салихов

Казанский государственный технологический университет

Рассматривается взаимосвязь институциональной структуры с устойчивым развитием. Анализируется влияние на различные аспекты устойчивого развития институтов реформирования, институтов рынка, институтов собственности и денежных институтов.

Концепция устойчивого развития получила развитие в 1980-х гг. До этого времени существовавшие концепции экономического роста исходили из необходимости повышения эффективности производственных систем, не уделяя особого внимания вопросам социального развития и защиты окружающей среды. И если к проблемам более справедливого распределения плодов экономического роста ученые стали обращаться еще в начале 1970-х гг., то решение экологических и иных задач устойчивого развития оказалось отложенным еще на десятилетие.

Концепция устойчивого развития, несмотря на активное развитие в последние десятилетия, пока еще далека от окончательного концептуального оформления. Можно сказать, что до сих пор отсутствует общепринятое определение самого понятия “устойчивое развитие”, хотя классическим признается определение, данное на Комиссии ООН по окружающей среде и развитию в 1987 г. Развитие признается устойчивым в том случае, если оно отвечает нуждам живущего поколения людей и при этом не наносит ущерб возможностям будущих поколений решать встающие перед ними задачи¹.

Особый интерес представляет изучение институциональных факторов устойчивого развития. Как известно, в рамках классического и неоклассического подходов экономические субъекты рассматриваются с точки зрения совершенной рациональности (все агенты максимизируют прибыль или степень удовлетворенности в потреблении), индивидуализма (именно отдельные индивиды, схожие по организации своей деятельности с неким абстрактным “экономическим человеком”, формируют вид и порядок экономической системы), экзогенности и стабильности предпочтений. Соответственно, экономическая среда, в которой им приходится действовать, характе-

ризуется полной и совершенной информацией, присутствующей у каждого действующего экономического агента, однородностью товаров и полной спецификацией прав собственности. Перечисленные предположения формируют модель экономической системы, во многом отличающуюся от реально функционирующей системы рынков. Важно, что в рамках неоклассического подхода не удается удовлетворительным способом решить некоторые аспекты устойчивого развития и сохранения окружающей среды².

Любопытно отметить, что даже в рамках разработки и проведения структурных реформ в различных странах, осуществляемых при поддержке Всемирного Банка и МВФ с начала 1980-х гг., институциональные аспекты реформирования, а также влияния реформ на состояние окружающей среды стали серьезно рассматриваться лишь к концу 1990-х - началу 2000-х гг.³

Неоинституциональная экономика исходит из предположения об ограниченной рациональности, что означает неравенство возможностей экономических субъектов правильно определять цели и оценивать положительные и отрицательные последствия такого выбора целей. Соответственно, реальные экономические агенты, особенно успешные, почти никогда не максимизируют прибыль, придерживаясь принципа “достаточной эффективности” осуществляемых ими действий.

Важнейшими характеристиками экономической системы в рамках институционального подхода являются зависимость дальнейшего ее развития от предыдущей эволюционной траектории,

² Ayres R. The need for a new growth paradigm // The Economic of Nature and the Nature of Economics / Ed. by C. Cleveland, D. Stern, R. Costanza. Edward Elgar Publishing, Inc., 2001. P. 111-133.

³ Panayotou T., Hupe K. Environmental Impacts of Structural Adjustment Programs: Synthesis and Recommendations // Environmental impacts of macroeconomic and sectoral policies / Ed. by M. Munasinghe. International Society for Ecological Economics (ISEE), 1996. P. 55-99.

¹ Soubbotina T. Beyond Economic Growth: An Introduction to Sustainable Development. Washington, 2004. P. 9.

а также эволюция спроса как определяющей характеристики устойчивого развития⁴. Кроме того, экономические субъекты в такой системе не обладают всей полнотой информации, а их права собственности не полностью специфицированы. В результате экономические процессы, например обмена, обладают специфическим экономическим “трением” - трансакционными издержками, которые несет каждый экономический субъект для приобретения более полной информации о предполагаемой сделке, а также более полной спецификации прав собственности на предполагаемый объект сделки.

Зависимость дальнейшего экономического развития от предыдущей эволюции системы можно объяснить эволюционным формированием институциональной матрицы системы - совокупности различных институтов, определяющих доминирующие “рутины” (привычные предсказуемые образцы, стереотипы поведения, основанные на прошлом опыте, сложившиеся традиционные процедуры принятия решений), абсолютные и относительные ценности (на основе которых дается положительная или отрицательная оценка классов действий), нормы, а также формальные и неформальные правила, которые дополняются механизмами принуждения к исполнению этих правил. Институциональная структура экономической системы является достаточно сложной и иерархически организованной, т.е. некоторые институты играют доминирующую роль, другие - вспомогательную. В процессе развития некоторые из институтов могут усиливаться, а другие - ослабляться. Наиболее важными, на наш взгляд, являются институты собственности, институты реформирования (развития), институты рынка и денежные институты.

В настоящее время на достаточно обширном эмпирическом материале надежно установлена взаимосвязь институциональной структуры с устойчивым развитием⁵. Проанализируем на основе имеющихся исследований, какие именно институты и каким образом могут оказывать влияние на различные аспекты устойчивого развития.

Институты реформирования (экономического развития) представляют собой совокупность

⁴ Савиотти П. Разнообразие, рост и спрос // Рост потребления и фактор разнообразия: новейшие исследования западных и российских эволюционистов. М., 2007. С. 60.

⁵ См., например: Environmental impacts of macroeconomic and sectoral policies / Ed. by M. Munasinghe. International Society for Ecological Economics (ISEE), 1996.

норм, рутин, а также организационных структур, которые ответственны за осуществление структурных преобразований экономической системы. Отметим все возрастающую роль таких институтов в современных условиях в связи с учреждением международных организаций (Всемирный Банк, МВФ), уполномоченных оказывать помощь странам, стремящимся выйти на траекторию устойчивого роста. Основной целью функционирования институтов реформирования является создание условий долговременного экономического роста и структурные преобразования в экономике. При этом результатами проведения структурной и стабилизационной политики выступают рост уровня производства; изменение структуры потребления рабочей силы, а также энергии, природных ресурсов, физического капитала; изменение в структуре отраслевого производства, уровня и структуры спроса, экономической и технологической эффективности; изменение уровня бедности, распределения доходов, а также изменение уровня ставки процента (ее снижение обеспечивает привлекательность долгосрочных инвестиций).

Рассмотрим влияние этих структурных изменений на природную среду и экологию. Рост уровня производства в общем случае сопровождается ростом потребления природных ресурсов и общей нагрузкой на окружающую среду. Изменение структуры потребления, в частности повышение потребности экономики в трудовых ресурсах, стимулирует отток аграрного населения в город, что может снизить нагрузку на сельхозресурсы, особенно если аграрный сектор использует устаревшие технологии возделывания. Однако рост интенсивности энергопотребления отрицательно сказывается на окружающей среде, повышая общий уровень выбросов. Повышение интенсивности землепользования стимулирует внедрение более современных технологий, обладающих более высокой экологичностью. Рост интенсивности капитального потребления, особенно в первичных секторах, может способствовать быстрой деградации природных ресурсов.

Рост уровня потребления также способствует более широкому использованию природных ресурсов и воздействию на окружающую среду. Изменение в структуре потребления оказывает в целом отрицательное воздействие на устойчивость развития, поскольку рост энергопотребления связан с увеличением выбросов в атмосфере

ру, происходит истощение природных ресурсов. Удовлетворение потребительского спроса материальными товарами влечет за собой рост бытовых отходов, и наоборот, потребление услуг имеет меньший потенциал в отношении нанесения ущерба окружающей среде.

Увеличение экономической и экологической эффективности способствует более рациональному использованию редких ресурсов, внедрению безотходных технологий, лучшему управлению производственными ресурсами.

Снижение уровня бедности оказывает в целом положительное воздействие на устойчивое развитие, поскольку сокращаются размеры натурального хозяйствования, связанного, как правило, с хищническим использованием агроресурсов. Вместе с тем рост неравенства в доходах приводит к обратному результату за счет нарастания миграционных потоков между городом и деревней, увеличения случаев самозахвата земель, роста нелегального сектора экономики.

Установление ставки процента ниже процента возобновления возобновляемых природных ресурсов обеспечивает устойчивость развития, а также может благоприятно сказываться на использовании невозобновляемых природных ресурсов за счет их более рачительного использования и внедрения ресурсосберегающих технологий.

Денежные институты представляют собой совокупность норм, рутин в области денежного регулирования, денежной политики и государственных расходов. В настоящее время оптимизация государственных расходов признается одним из факторов повышения экономической эффективности. Однако имеются краткосрочный и долгосрочный аспекты сокращения государственных расходов применительно к проблемам устойчивого развития. Снижение государственных расходов в краткосрочной перспективе означает снижение спроса, рост бедности и безработицы вследствие сокращения финансирования государственного сектора экономики. Это приводит к сокращению спроса на коммерческие ресурсы, росту спроса на общедоступные ресурсы или ресурсы, не имеющие ценовой спецификации (например, из-за неопределенности прав собственности), а также сокращению источников загрязнения в городской черте.

В долгосрочной перспективе снижение государственных расходов приводит к сокращению налоговой нагрузки, что влечет за собой рост

сбережений, частных инвестиций, сокращение безработицы. Однако степень воздействия на окружающую среду здесь определяется структурой деловой активности - какие именно отраслевые комплексы получают наибольшее развитие.

Снижение государственных расходов на инфраструктуру (дороги, трубопроводы, дамбы и т.п.) сокращает уровень занятости в этих секторах, но при этом сокращает экологические последствия от крупных инфраструктурных проектов.

Основное содержание монетарной политики составляет общее снижение доступности кредитов, сокращение государственных программ с мягкими бюджетными ограничениями, снятие барьеров на величину кредитных ставок. Данные меры приводят к общему снижению инвестиционной активности, рыночному сокращению кредитования предприятий сельского хозяйства при одновременном увеличении доступности инвестиций в несельскохозяйственных секторах. С одной стороны, ужесточение денежной политики усиливает отток безработных в неформальный сектор экономики, зачастую связанный с нелегальной эксплуатацией природных ресурсов, в основном сельскохозяйственных, с другой - увеличение доступности кредитов в других отраслях стимулирует снижение агропромышленной нагрузки на природную среду.

Институты рынка мы определим как совокупность норм и рутин, отвечающих за формирование ценовых соотношений в экономике за счет активной торговой политики, управления межотраслевыми перетоками ресурсов и ценового регулирования. В рамках торговой политики наиболее сильнодействующими инструментами являются снижение торговых барьеров методами тарифного и нетарифного регулирования, а также изменение курсовых соотношений национальной и иностранных валют (как правило, практикуется ослабление национальной валюты для поддержки внутреннего производства). Ослабление национальной валюты снижает внешнеторговый дефицит, стимулирует экспорт и активность в экспортоориентированных отраслях. Одновременно происходит удорожание импорта, включая импорт современных технологий. Учитывая, что высоким экспортным потенциалом обладают отрасли, занимающиеся добычей природных ресурсов, а импорт инноваций, энерго- и ресурсосберегающих технологий становится чересчур доро-

гим, можно сделать вывод, что создается угроза устойчивому развитию.

Снижение торговых барьеров стимулирует рост импорта, одновременно происходит переток ресурсов из импортозамещающих в экспортоориентированные производства. Это повышает эффективность использования ресурсов, снижает стоимость импортируемых ресурсосберегающих технологий.

Стимулирование агропромышленного экспорта может иметь как позитивные, так и негативные эффекты с точки зрения устойчивого развития. Расширение посевов экспортоориентированных сельхозкультур способствует снижению плодородия, расширению использования удобрений и ядохимикатов. Позитивные эффекты определяются более высоким качеством менеджмента, ростом занятости в отрасли. Последствия воздействия на устойчивость развития стимулированием промышленного экспорта зависят от того, какие секторы получают приоритет развития. Если расширяются трудозатратные отрасли, то это оказывает позитивное влияние на устойчивость развития, а если капиталоемкие, то негативное. Развитие сектора услуг, в частности туризма, способствует устойчивому развитию, если приоритет получает экотуризм, тогда как массовый туризм имеет преимущественно отрицательное воздействие на окружающую среду.

Институты рынка требуют ликвидации или по крайней мере серьезного ослабления системы отраслевого субсидирования. Отказ от субсидирования топливной промышленности стимулирует более эффективное использование энергоресурсов. Это обеспечивает оптимизацию отрасли, снижает уровень отраслевого загрязнения окружающей среды. Вместе с тем это может стимулировать вовлечение в экономику более дешевых, но еще менее экологичных топливных ресурсов - угля, дров. Снижение субсидирования сельского хозяйства стимулирует более эффективное фермерство, но в краткосрочном периоде происходит снижение использования пестицидов, внесения минеральных удобрений, ирригации. Однако в долгосрочной перспективе эффективность сельского хозяйства повышается. В конечном счете это стимулирует более устойчивое развитие агропромышленной отрасли. Сокращение субсидий в промышленности стимулирует внедрение эффективных практик и рутин, снижает экологическую нагрузку от предприятий.

Институты собственности обеспечивают спецификацию прав собственности. Собственность представляет собой отношения, которые возникают в экономике между агентами по поводу присвоения ими экономических благ. Как уже отмечалось, с точки зрения институционализма важнейшей характеристикой экономической среды является неполная спецификация прав собственности. Она связана с тремя основными процессами: "размыванием" прав собственности, ограничением прав собственности, расщеплением прав собственности. Вместе с тем существуют многочисленные сферы, зоны, "территории", по которым права собственности не определены либо в течение длительного времени являются спорными. "В современной экономической теории под правилами собственности понимают санкционированные поведенческие нормы, совокупность властных прав, поведенческих отношений, складывающихся между людьми по поводу использования (присвоения. - *А.С.*) ими экономических благ"⁶.

Развитие институтов собственности нацелено на создание более предсказуемых и эффективных рынков. Это включает безопасность землевладения, приватизацию, повышение эффективности регулирования в сфере собственности, снижение коррупции и конфликтов прав собственности, формализацию использования муниципальной собственности. Это обеспечивает рост рыночной ценности земли, расширение доступа к кредитам и активизацию долгосрочного инвестирования, что, в свою очередь, увеличивает площади высвобождаемых из сельхозоборота площадей, улучшает управление земельными ресурсами. Усиление регулирующей составляющей в части природоохранных обязательств, возлагаемых на собственника, способствует устойчивому развитию. Снижение коррупции уменьшает возможность рентоориентированного поведения и использования собственности как политического ресурса. Обеспечение прав муниципальной собственности влечет сохранение природных ресурсов и эффективное их использование.

Обобщим описанные выше механизмы институционального влияния на устойчивость развития в таблице.

Как можно видеть, институты опосредованно, через формирование стратегии структурных и

⁶ Сухарев О.С. Основы институциональной и эволюционной экономики. М., 2008. С. 175.

Влияние институтов на устойчивое развитие

Институты	Макроэкономические изменения	Влияние на устойчивое развитие (+, -)
Институты реформирования	Рост уровня производства	-
	Изменение в структуре потребления рабочей силы, энергии, земли, природных ресурсов	- +
	Изменение структуры потребления	-
	Смещение в структуре потребления энергии, природных ресурсов	-
	Рост экономической эффективности	+
	Рост технологической эффективности	+
	Изменение уровня бедности	+
	Изменение в структуре распределения доходов	-
	Изменение ставки процента	+
Денежные институты	Сокращение государственных расходов	+
		-
	Сокращение социальных расходов	-
	Сокращение расходов государства на инфраструктуру	+
	Сокращение доступности кредитов	-
	Сокращение программ с мягкими бюджетными ограничениями	-
Институты рынка	Отказ от регулирования процентных ставок	+
	Девальвация национальной валюты	-
	Ликвидация торговых барьеров	+
	Поддержка сельскохозяйственного экспорта	-
	Поддержка промышленного экспорта	+
	Поддержка сферы туризма	+
		-
	Отказ от субсидирования энергетики	+
		-
	Отказ от агропромышленных субсидий	+
	Отказ от субсидирования промышленности	+
Изъятие части ренты	+	
	-	
	Налогообложение нарушителей экологических норм	+
Институты собственности	Безопасность землевладения	+
	Приватизация	+
		-
	Улучшение регулирования в сфере собственности	+
	Снижение коррупции и рендоориентированного поведения	+
	Регулирование прав муниципальной собственности	+

стабилизационных реформ оказывают достаточно противоречивое влияние на устойчивость развития. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что основные факторы негативного воздействия на окружающую среду имеют более крат-

косрочные последствия по сравнению с факторами положительного экологического эффекта. Чем эффективнее будут функционировать институты, тем больше будет вероятность, что экономика выйдет на траекторию устойчивого роста.

Поступила в редакцию 01.03.2009 г.

ОРГАНИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ХАРАКТЕР И ТИПЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

© 2009 И.Д. Бунимович

© 2009 Г.В. Семенов

доктор экономических наук, профессор

© 2009 А.Р. Салихов

© 2009 Р.К. Хайруллин

Казанский государственный технологический университет им. С.М. Кирова

Представлена система институтов, регулирующих неравномерность распределения власти в иерархических структурах управления. Выявлена необходимость выделения, структурирования, конкретизации и последующего исследования данных институтов для определения направленности и содержания проводимых государством институциональных реформ.

В современных условиях инновационное развитие является одним из ключевых факторов, определяющих конкурентоспособность национальной экономики, темпы и качество экономического роста. При этом в современной экономической теории инновационные изменения рассматриваются как результат определенным образом институционально организованных воспроизводственных процессов, происходящих в сложно устроенной неравновесной социально-экономической системе. Представления об инновациях как о чисто продуктовых, технологических остались в прошлом.

Все большую роль в экономическом развитии начинают играть институциональные потребности и институциональные интересы. Соответствующее институциональное оформление получают экономические интересы хозяйственных агентов, их реализация. Объяснить эти процессы в рамках неоклассической традиции становится все более и более затруднительным. Неполная спецификация прав собственности, асимметрия информации, оппортунистическое поведение становятся своего рода привычной “неравновесной” нормой. Понятия “специфические активы”, “транзакционные издержки”, “экономические дисфункции”, “технологические и отношенческие “рутины”, “институциональные ловушки”, “эволюция и конкуренция макрогенераций”, “ограниченная рациональность” прочно закрепляются в теории эволюционной экономики.

В современных условиях становится ясно, что без опережающих организационно-экономических, организационно-управленческих, а в целом ряде

случаев и социальных инноваций развитие продуктовых и технологических инноваций оказывается в значительной степени ограниченным.

По нашему мнению, под инновацией следует понимать такое новшество в технико-технологической, продуктовой, организационно-экономической, организационно-управленческой, социально-экономической сферах, которое отвечает следующим двум признакам: а) способствует скачкообразному количественному росту и качественному структурному изменению эффективности системы, использующей данное нововведение; б) представляет собой новый способ удовлетворения существующих потребностей или тот или иной способ удовлетворения вновь возникающих потребностей человека. При этом спектр потребностей предлагается задавать достаточно широко. Речь идет о разнообразных физиологических потребностях, потребностях в здоровом питании, потребностях в чистом воздухе, воде, потребностях в отдыхе, потребностях в безопасности и защищенности, потребностях в медицинских препаратах, развитых лечебных технологиях, потребностях в развитии способностей индивидуума, в том числе профессиональных, потребности в получении достоверной и достаточно полной информации, а также, что очень важно, об институциональных потребностях.

Понятие специфического актива тесно связано с понятием инновации. Заметим при этом, что специфический актив, каждый взятый в отдельности, как правило, о чем свидетельствует практика, мало чего стоит. И лишь в комбинации такие активы многократно увеличивают свою

оцениваемую рынком стоимость. Вместе с тем специфические активы могут отражать доступ к административному ресурсу, административные возможности того или иного участника, а в целом ряде случаев те или иные сознательно проектируемые, создаваемые и осуществляемые “административные инновации”.

В инновационной экономике, по существу, предприятие представляет собой формальный институт, объединяющий владельцев специфических активов (предпринимателей), а также спроектированную и функционирующую систему менеджмента, реализующую соответствующие предпринимательские стратегические целевые установки. Особая роль при этом принадлежит предприятиям инновационной инфраструктуры - различного рода инновационным фондам (в том числе венчурным), научно-технологическим паркам, технополисам, центрам научно-технической информации, инжиниринговым проектным центрам и компаниям, институтам научно-технической и экономической экспертизы, центрам трансфера новых технологий, широкому спектру консалтинговых структур, фондам поддержки предпринимательства, научно-исследовательским центрам и институтам, лабораториям, образовательным организациям и учреждениям, выставочным центрам и центрам патентной защиты, специализированным юридическим структурам. Их развитие весьма заметно увеличивает долю негосударственных расходов на НИОКР в валовом внутреннем продукте и задает более высокий уровень “институциональной плотности” в инновационной сфере.

В целом национальная инновационная система может быть представлена как совокупность институтов, участвующих в создании тех или иных новшеств, их коммерциализации, а также как формальные и неформальные ограничения институционального плана и соответствующие “узкие места”, которые возникают по тем или иным направлениям инновационного развития.

Национальные инновационные системы концентрируют в себе сложное взаимодействие между различными группами экономических агентов в рамках действующей системы институтов, что не сводится к деятельности отдельных предпринимателей. По существу, это система взаимодействующих институтов для создания, хранения и передачи знаний, навыков и предметов, которые определяют новые технологии.

При анализе институциональной обусловленности инновационного процесса большой интерес представляет то, как формируется инновационный спрос.

Покупатели, сталкиваясь с инновациями, оценивают их с точки зрения приобретенных предпочтений. Данная оценка различается по видам инноваций: радикальных инноваций в понимании Й. Шумпетера и улучшающих инноваций в соответствии с определением Й. Шмуклера.

Шумпетерианская инновация - это инновация, которая выходит за пределы рутинного принятия решений покупателем и сложившейся у него шкалы потребительских предпочтений. Инновация настолько радикальна, что потребитель изначально не убежден в приемлемом уровне функциональности многих характеристик. При этом инновация имеет очень высокую эффективность по характеристике, которую покупатели не привыкли использовать при осуществлении выбора товара. Стандартное шумпетерианское решение состоит в том, что инновационный предприниматель убеждает покупателей изменить их предпочтения (например, маркетинговыми усилиями).

Освоение новшества, однако, нередко требует сложного социального процесса, который может быть различным образом устроен, организован у различных типов покупателей. Если принять в расчет этот социальный процесс, некоторые инновации шумпетерианского типа сводятся к инновациям Й. Шмуклера. Такие инновации могут быть изначально разработаны для уже существующих предпочтений искушенных потребителей в рыночных нишах, но затем социальный процесс меняет предпочтения обычных потребителей так, что они в конечном счете воспринимают инновацию.

Большую роль в институциональной обусловленности инновационного развития играют организационно-культурные факторы. В одной из наиболее распространенных классификаций, предложенной Г. Хофстедом, выделяют четыре таких фактора: властную дистанцию, стремление избежать неопределенности, индекс индивидуализма, индекс мужского/женского начала. Проведенный по 56 странам экономико-статистический анализ показывает, что значимыми для успешного инновационного развития являются из них только два: властная дистанция и индекс индивидуализма.

Властная дистанция как культурное измерение может быть конкретизирована в терминах

институциональной экономической теории. Речь идет о системе институтов, регулирующих неравномерность, неравенство распределения власти в иерархических структурах управления, которое становится привычным и не вызывает дискомфорта у людей. Перечислим наиболее значимые из них с точки зрения устойчивого инновационного развития. Хорошо известным таким институтом, достаточно подробно описанным в литературе, является патернализм, который, по существу, представляет собой институт социального регулирования ценза и институт социальной защиты. С ним тесно связаны институты, задающие одноподчиненную зависимость нижестоящих от вышестоящих в организационных структурах управления, институты административной централизации полномочий и, собственно, институты авторитарного управления. В социально-экономических и управленческих системах такого типа Табель о рангах воспроизводится как институт, регулирующий неравенство людей.

Последнее во многом предопределяет развитие институтов административного принудительного перераспределения инновационной ренты, а также институтов административных рынков в организациях, предпринимательских сетях, корпоративных, отраслевых и региональных экономических системах как организационных инструментов такого перераспределения. Заметим, что полная спецификация прав собственности на инновационные товары, технологии и услуги, развитие прав интеллектуальной собственности становятся возможными лишь в рамках лояльного отношения, соответствия перечисленным действующим институтам, задающим высокую властную дистанцию. В свою очередь, неполная спецификация прав собственности приводит к широкому распространению рейдерства не только в имущественной, но и в находящейся в процессе становления инновационной сфере. Результатом становятся воспроизводство институтов абсентизма в системах управления в инновационной сфере, значительное сокращение инновационного предложения, высокая затратность, имитация инновационных технологий и так называемые “псевдоинновации”. Причем последние становятся устойчивым феноменом и в этом смысле самостоятельным институтом.

Именно в данной институциональной среде формируются разнообразные формы и соотношения между институтами административного уп-

равления, институтами управления с помощью экономических методов и институтами самоуправления. Вместе с тем получают большее или меньшее развитие наряду с уже упоминавшимися выше институтами административных рынков институты бюрократической координации, рыночной координации, агрессивной и этической координации, институты “торга по управленческой вертикали” (обмена неосязаемыми ценностями по принципу “ты мне, я тебе”). Соответствующим образом структурируются и организационно оформляются институты стратегического, текущего оперативного планирования и институты контроля. Заметим, что последние часто воспринимаются в доминирующих ментальных моделях и в массовом сознании как институты надзора за работниками, людьми и их деятельностью.

Такая институциональная организация не только задает высокую властную дистанцию в смысле Г. Хофстеда, но и предопределяет структуру и взаимодействие институтов оценки действий “сверху вниз”. В их составе можно выделить институты профессиональной оценки действий, социальной оценки действий и административно-политической оценки действий. Чем выше оказывается властная дистанция, тем в большей степени доминируют в данной структуре институты административно-политической оценки действий в иерархических структурах управления, отодвигая на второй план институты профессиональной и социальной оценки действий. Если в социально-экономической системе к тому же имеются значительные ресурсы, то тогда через институты патернализма получают дополнительное развитие институты социальной оценки действий. Профессиональная оценка действий в этих условиях становится дополнением административно-политической и социальной оценки действий.

Должностные позиции в иерархических структурах управления быстро заполняются, в основном, “политиками” и слабо зависят от профессиональной квалификации и профессиональных качеств последних. Получают широкое развитие различного рода административно-политические инновации, формирующие новое “институциональное поле” продуктовых, технологических, организационно-экономических, организационно-управленческих, социально-экономических инноваций. Для этого поля характерной чертой является возрастающее количество часто вступающих в противоречие друг с другом многочисленных

административных, законодательных норм и ограничений.

Дополняют описанную картину в социально-экономических системах с высокой властной дистанцией институт минимальных требований к квалификационному уровню работников на нижних ступенях организационной иерархии и институт низких требований к квалификационному уровню на средних и верхних этажах организационных структур управления. Указанные институты делают популярными институты административного регулирования заработной платы, а также весьма распространенными институты уравнительного распределения доходов на нижних уровнях организационной иерархии.

Понятно, что такая институциональная организация не может и не стимулирует инновационную отдачу знаний профессионально подготовленной части работников, поиск рациональных технических, организационно-экономических, организационно-управленческих и экономических проектных решений, существенно осложняя для этой группы процесс профессиональной идентификации и самоактуализации. В то же время последовательное развитие института права на получение полной и достоверной информации существенно осложняется и подавляется укоренением и развитием института административного предоставления далеко не полной, часто искаженной и политической дозируемой цензурируемой информации.

Обращает на себя внимание и то, что для социально-экономических систем с высокой властной дистанцией характерны развитые институты привилегированного, “престижного” потребления индивидуальных и общественных благ на верхних уровнях организационной иерархии. Причем возникающий при этом инновационный спрос практически полностью удовлетворяется за счет импортируемой инновационной продукции, а также услуг и инновационных технологий, тем самым существенно ограничивая долю инновационного спроса на целевых рынках отечественных предприятий.

Напротив, в социально-экономических системах с низкой властной дистанцией доминирующими являются институты взаимодействия и взаимозависимости нижестоящих и вышестоящих в организационных структурах управления (с развитыми контурами обратной связи), институты сотрудничества, институты делегирования полномочий, либеральные институты, формирующие

ценности суверенитета личности и свободы. В этих условиях существующий Табель о рангах представляет собой институт, регулирующий неравенство ролей, а не людей в организации, предпринимательских сетях, в отраслевых и региональных экономических системах.

Развитая рыночная среда, механизмы адаптации и самоуправления в рамках действия перечисленных институтов регулируют соотношение применяемых административных, экономических методов управления и методов самоуправления. Соответствующая балансировка достигается и в соотношении перечисленных выше механизмов координации. По крайней мере, нет явного доминирования институтов административного управления и механизмов бюрократической координации, что имело место в социально-экономических системах с высокой властной дистанцией.

Результатом такой институциональной организации становится доминирование институтов профессиональной оценки действий над институтами административно-политической и социальной их оценки, в связи с чем получают развитие и укореняются институты достаточно высоких предъявляемых требований к профессионально-квалификационному уровню работников как на нижних ступенях организационной иерархии, так и на верхних этажах организационных структур управления при подборе и назначении на должность менеджеров среднего и высшего звена. Указанным соответствуют институты вознаграждения, основанного на экономических, рыночных принципах и на принципе достижения конечного результата (вознаграждение за конкурентоспособность). Все это позволяет формировать и развивать дееспособные и эффективные институты профессиональной идентификации и самоактуализации, гибкие организационные структуры управления и высокую восприимчивость к нововведениям. Ориентация на действие становится нормой и одним из базовых принципов эффективного менеджмента и инновационного развития.

Другое выделенное нами значимое с точки зрения инновационного развития “культурное измерение” - индекс индивидуализма и коллективизма, система институтов. Ее ядро образуют институты профессиональной идентификации. Как нами уже выше было показано, при высокой властной дистанции имеют место недостаточно развитые институты профессиональной идентификации, что соответствует низкому индексу индиви-

дуализма. Вместе с тем в составе институтов, регулирующих карьерный рост, преобладают институты клановой интеграции, институты “преемников” в рамках административного выбора назначения на должность, институты административного рынка должностей (на котором должности тем или иным образом “покупаются”). В связи с этим в таких социально-экономических системах важную роль приобретают институты, регулирующие интеграцию индивидуумов в те или иные административные, клановые и предпринимательские сети. Только таким образом, интегрируясь в ту или иную “коллективную сеть”, а скорее в “коллективную иерархию”, индивидуум получает реальные возможности самоактуализации и соответствующие им формы и степень профессиональной идентификации.

Тесно связанными с институтами, регулирующими интеграцию в те или иные административные, клановые и предпринимательские сети, являются институты коллективного найма, “предоставления” работы работодателем. Будучи нанятым, работник в рамках данного института становится членом “семьи” или “большой организации”, куда его взяли. И в этом смысле значительное влияние на его поведение и деятельность оказывают институты формального согласия с тем, что происходит на предприятии (в организации), институты ритуального взаимодействия в рамках существующих технологических и отношенческих рутин, институты группового административного согласования принимаемых решений. Отмеченные институты выходят на первый план вследствие доминирующей роли ценностей, сохранения отношений, даже если это наносит ущерб решаемым задачам. В результате институты конформизма и коллективной ответственности во многом доминируют над институтами профессионального сопоставления различных точек зрения и индивидуальной ответственности, а институты предварительной социализации новых идей и проектов, осуществляемых организационных, особенно организационно-управленческих, отношений предопределяют невысокие темпы, весьма заметные дисбаланс и фрагментарность при осуществлении инноваций.

В сфере развития человеческих ресурсов институты самообразования и саморазвития вытесняются институтами поучения и наставниче-

ства. Диплом о высшем образовании рассматривается большинством как формальный институт, обеспечивающий вхождение в высокостатусные общественные группы.

В социально-экономических системах с высоким индексом индивидуализма, напротив, как уже говорилось, хорошо развиты институты профессиональной идентификации. Институты профессионального карьерного роста доминируют над институтами клановой интеграции, институтами “преемников” при административном назначении на должность и, тем более, над институтами административного рынка должностей. Совершенно другую роль играют институты, регулирующие интеграцию в те или иные административные, клановые и предпринимательские сети, опираясь на институты профессионального контракта и индивидуальной ответственности. При принятии стратегических и текущих управленческих решений (и прежде всего - инновационных) доминируют институты профессионального сопоставления различных точек зрения, институты состоятельности и профессиональной конкуренции. Все это обеспечивает ориентацию на конечный результат.

Как следствие, получают заметное развитие институты самообразования и самосовершенствования, которые заметно доминируют над институтами поучения, наставничества. Институт образования большинством рассматривается как неформальный институт воспроизводства и развития человеческого капитала.

Выделение, структурирование, конкретизация и последующее исследование описанных выше институтов позволяют в терминах институциональной экономической теории выявлять характер и типы инновационного экономического развития, а также определять направленность и содержание проводимых институциональных реформ¹.

Поступила в редакцию 06.04.2009 г.

¹ См.: *Зверев Д.А.* Модели макроэкономического равновесия и роста. СПб., 2005; *Мюрдаль Г.* Современные проблемы “третьего мира”. М., 1972; *Нуреев Р.* Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М., 2001; *Савиотти П.* Разнообразие, рост и спрос // Рост потребления и фактор разнообразия: новейшие исследования западных и российских эволюционистов. М., 2007; *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, отношенческая контрактация. СПб., 1996.

ДИАЛЕКТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2009 В.С. Гродский

доктор экономических наук, профессор
Самарский государственный университет

Анализируются диалектические закономерности становления рыночной экономики, основой которой является гражданское общество как совокупность товаропроизводителей-товаропотребителей.

Родоначальник психоанализа австриец З. Фрейд (1856-1939) отмечал, что “ни “производительные силы”, ни “производственные отношения” в экономической теории не могут иметь значения последних причин, не поддающихся уже далее никакому разложению... они созданы от чего-то и из чего-то”¹. С другой стороны, известный марксист итальянец А. Грамши (1891-1937) писал, что “недостаточно познать совокупность отношений, поскольку они существуют в данный момент как некая данная система; важно познать их генезис, познать их в процессе формирования”² и развития. “Вопрос состоит в том, в какой мере сам общий процесс производства видоизменяется исторически...”³.

Исследование развития экономики в целом требует применения предельно общих понятий. Например, “производство вообще” - “это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и поэтому избавляет нас от повторений”⁴. Кроме того, такие абстракции позволяют воссоздать в теории процесс становления социальной формы движения. Но генезис общества, как было показано выше, становится ясным только тогда, когда оно достигает зрелости (действительности), необходимой для вычленения из совокупности социальных явлений одного, наиболее общего и универсального, совпадающего с сущностью общества. Всеобщие абстрактные определения, которые более или менее подходят ко всем общественным формам, возникают в теории при наиболее богатом конкретном, независимо от того, существует ли это конкретное в действительности или является результатом научного прогноза.

¹ Фрейд З. Тотем и табу. М., 1924. С. 39.

² Грамши А. Избранные произведения: В 3 т. М., 1959. Т. 3. С. 45.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. М., 1955-1982. Т. 46. Ч. I. С. 274, 275.

⁴ Там же. С. 21.

Максимально возможной “конкретцией” общества является будущий “однородный социум”. Только этот результат общественного развития может быть его логическим основанием. Перефразируя известные слова немецкого теоретика К. Маркса (1818-1883)⁵, отметим, что анатомия будущего общества - ключ к анатомии предшествующих формаций. По аналогии же с началом “Капитала” (1867) Маркса⁶ можно сказать, что богатство будущего общества представляется как “огромное скопление” индивидуальностей, а отдельный индивид - как элементарная форма этого богатства. Индивиды, образующие общество, сохраняют и свою “особенность”, они желают остаться тем, что они есть, и в то же время как предельно возможная абстракция общества “человек”, гася в себе индивидуальные особенности, позволяет через обобщение выразить сущность социума, ибо каждый индивид - это синтез не только существующих отношений, но и история этих отношений, т.е. итог всего прошлого. “Человек - мера всех вещей” (Парменид (515-445 до н.э.) - древнегреческий философ), он всегда остается сущностью всех социальных образований, основополагающей квинтэссенцией общества. “Человек как субъект является и результатом, и исходным пунктом движения”⁷, он есть “постоянная предпосылка... истории, есть также ее постоянный продукт и результат, и предпосылкой человек является только как свой собственный продукт и результат”⁸, прийти к “человечеству” мы можем, только взяв за исходное абстракцию “человек”.

Первая предпосылка человеческой истории, таким образом, - это, конечно, существование человеческих индивидов. Но в реальной действи-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 42.

⁶ Там же. Т. 23. С. 43.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1959. С. 589.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 26. Ч. III. С. 516.

тельности самостоятельные индивиды существуют только в обществе, находящемся в процессе становления, и только по отношению к этому промежуточному периоду истории абстракция “индивид” адекватна объекту. Об этом соответствии писал Маркс в связи с анализом такой всеобщей категории, как “труд”: “Таким образом, лишь здесь (в рыночном обществе. - *В.Г.*) абстракция категории “труд”, “труд вообще”, труд *sans phrase* (без оговорок. - *В.Г.*), этот исходный пункт... политической экономии становится практически истиной”⁹. Понятие “индивид” по отношению к первобытному и будущему состояниям общества является действительной абстракцией. “Чем дальше назад уходим мы в глубь истории, тем в большей степени индивид... выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому”¹⁰. “Человек обособляется как индивид лишь в результате исторического процесса. Первоначально он выступает как родовое существо, стадное животное...”¹¹. С другой стороны, индивиды образуют целостность и в будущем обществе. Маркс писал: “Представим себе... союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну рабочую силу. Все определения робинзоновского труда повторяются здесь, но в общественном, а не в индивидуальном масштабе”¹². В первом случае “индивид” - это абстракция синкретического целого, а во втором - абстракция конкретного целого. И только в “промежуточном” состоянии общества, приходящимся на натуральное, обособленное производство феодального общества, абстракция “индивид” конкретна.

Вместо понятия “индивид” можно использовать аналогичные термины. Например, Маркс употреблял понятие “общественный индивид”, подчеркивая им обособление человека только в обществе, и понятие “производящий индивид”¹³, подчеркивая экономическую сущность общественного бытия; Энгельс говорил об “эмпирическом человеке”¹⁴ как о непосредственном материальном объекте познания; экзистенциализм,

стремясь к непосредственному познанию бытия человека как целостности, использует термин “человек вообще” (“*Man*”, немецкого философа М. Хайдеггера (1889-1976)). Мы же будем употреблять в качестве предельной абстракции общества, а следовательно, исходной для неравновесной экономической теории термин “человек”.

Французский философ Б. Паскаль (1623-1662) говорил, что только один предмет интересует человека - сам человек. Рефлексия, т.е. самосознание человека, направленное на осмысление собственной сущности и ее форм, есть вечная проблема. И действительно, познание человека являлось и является традиционным для любой философии. Однако, на наш взгляд, наука об экономических, и следовательно, наиболее существенных, фундаментальных законах функционирования и развития общества может сделать конкретный и основной вклад в решение этой проблемы.

Экономической теорией предпринимались неоднократные попытки постановки “человека” в основание предмета. Но эти попытки были неудачными, по крайней мере, по двум причинам: субъект производства рассматривался, во-первых, внеисторически, как нечто неизменное и одинаково действующее в различных социальных условиях и, во-вторых, как непротиворечивое явление. Абстрактный антропологизм политэкономии «никогда не добирался до реально существующих деятельных людей, а застревает на абстракции “человек” и ограничивается лишь тем, что признает “действительного, индивидуального, телесного человека”»¹⁵. Маркс в связи с этим критиковал, например, немецкого экономиста А. Вагнера (1835-1917), автора “Учебника политической экономии” (1873), в котором тот недialeктически рассматривал абстрактного “человека”¹⁶. Энгельс же отмечал, что при решении данной проблемы надо «исходить из “я”, из эмпирического, телесного индивида, но не для того, чтобы застрять на этом... а чтобы от него подняться к “человеку”»¹⁷. Поэтому, критикуя схоластику и метафизичность антропологических концепций и построений, мы не вправе “выплескивать и ребенка”. “Неравновесная” “метаэкономика” нуждается в абстракции “человек”, которая, на наш взгляд, может быть здесь центральной, кон-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12. С. 731.

¹⁰ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 18.

¹¹ Там же. С. 167.

¹² Там же. Т. 23. С. 88.

¹³ См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 18.

¹⁴ См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 27. С. 17.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 44.

¹⁶ Там же. Т. 19. С. 377.

¹⁷ Там же. Т. 27. С. 17.

структивной категорией, ибо в ней в “компактной”, свернутой форме заключены все противоречия саморазвития общества. “Вся история есть не что иное как непрерывное изменение человеческой природы”¹⁸ и “мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую историческую эпоху...”¹⁹.

Поскольку человек противоречив и деятелен, то необходимо, отмечал немецкий философ И. Кант (1724-1804), исследование того, что человек, как “свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам”²⁰. В то же время теоретическое восхождение до предельно возможной экономической конкретности в виде противоположных или различающихся интересов в обществе требует доведения абстрагирования действительности до глубинного противоречия самого человека, отдельного индивида. Для познания сущности и движущих сил развития человека важно определить его антиномичные атрибуты, т.е. две основополагающие, экономические противоречивые его стороны. Экзистенциализм же в данном отношении оперирует неопределенными “модусами”, свойствами “человека вообще”. В литературе также можно встретить попытки использовать в качестве исходного для социологии или экономической теории те или иные общественные противоречия и отношения, но при всей обоснованности некоторых концепций они в целом обладают тем недостатком, что не рассматривают материальный носитель, субстрат противоречий и отношений. В этом плане трактовка “человека” как субстрата элементарного и исходного экономического противоречия весьма важна для неравновесной теории, ибо позволяет вскрыть генезис общественного производства, объяснить взаимосвязь его отдельных ступеней и дать перспективы его развития.

Каждый человек может рассматриваться с двоякой точки зрения: он обладает потребностями и способностями, представляет собой элементарную потребительную и производительную силы общества. Эти стороны человека противоречат и обуславливают друг друга. Потребности индивида - его первичная, обусловленная природой сторона. При всей многочисленности и слож-

ном переплетении потребностей современного человека они носят материальный, экономический характер, а удовлетворение их составляет основу воспроизводства любого общества. “Человек является непосредственным природным существом. В качестве природного существа... он... наделен природными силами... эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей...”²¹. Человеческая “собственная природа, являющаяся совокупностью потребностей и влечений (иначе говоря... интерес, выступающий во всеобщей рефлексирующей форме)”²², выражает зависимость человека от внешних объективных условий существования и является предпосылкой его способностей. Способности же противостоят потребностям, отражают их, а внешне выступают как интерес к предметам и явлениям окружающей действительности.

Диалектика противоречащих друг другу начал человека подчиняется действию всеобщего закона возвышения потребностей и закона роста способностей - закона роста эффективности производства. В данной связи Маркс выделяет два рода потребностей: 1) потребности, “вытекающие из... непосредственной человеческой природы”²³, и 2) исторические потребности. В порождении новых потребностей, когда “на место обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически”²⁴, а также соответствующих новых потребностей и заключается действие закона возвышения потребностей человека.

В целом же понятие “человек” 1) отражает результат и предпосылку развития экономики и общества; 2) является результатом объединения тождественных “индивидов” во всеединство, в единичного человека, как максимально персонифицированное общество; 3) является абстракцией прошлого синкретического и будущего действительного общества, абстракцией, сводящей к себе и выводящей из себя весь комплекс категорий и законов функционирования и развития общества; 4) должно быть признано исходной, ключевой, конструктивной и системообразующей абстракцией “неравновесной” “метаэкономикс”.

Внутреннее противоречие человека разрешается путем его внешнего проявления в труде и

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 162.

¹⁹ Там же. Т. 43. С. 623.

²⁰ Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1963-1966. Т. 6. С. 351.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 162, 163.

²² Там же. Т. 46. Ч. I. С. 192.

²³ Там же. Т. 3. С. 279.

²⁴ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 281.

сотрудничестве, поскольку «любое отношение, в котором человек находится к самому себе, реализуется, выявляется лишь в отношении человека к другим людям»²⁵ и окружающей природной среде. «Отношение одной вещи к другой есть отношение этих двух вещей между собой и о нем нельзя сказать, что оно принадлежит той или иной из них. Способность вещи есть, наоборот, нечто внутренне присущее вещи, хотя это внутреннее присущее ей свойство может проявиться только в ее отношении к другим вещам»²⁶. Поэтому способности человека представляют собой такую сторону его внутреннего противоречия, которая является непосредственной предпосылкой его деятельности, хотя другая сторона данного противоречия - потребности - составляют первопричину, мотив деятельности индивида, так как «действия людей вытекают из их потребностей... и лишь они играют главную роль»²⁷ и в общем плане только «умножившиеся потребности порождают новые общественные отношения...»²⁸.

Человек - это «действительный, телесный человек... вбирающий в себя и излучающий из себя все природные (добавим «и общественные» - В.Г.) силы»²⁹, и если его потребности выражают недостаток в чем-либо и готовность к присвоению, производству и потреблению внешних предметов, то его способности выражают готовность к «отдаче», отчуждению труда. «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»³⁰, а сущность человека «есть совокупность всех общественных отношений» и отношений труда, «отношений друг к другу и к природе»³¹. Поэтому теоретическое абстрагирование «человека» выступает как «интериоризация» (индивидуализация, персонификация) «социума», т.е. мысленное свертывание, сведение отношений к интересам, а их, в свою очередь, к способностям и потребностям человека таким образом, что он «уже содержит в себе общественные силы»³² («человек - это мир человека, государство, общество»³³). Причем поскольку социальные отно-

шения являются общими для всех людей, то эти отношения редуцируются в абстракцию «единичный человек»³⁴. Теоретическая конкретизация «человека», совпадающая с историческим процессом развития общества, в ходе которого люди реализуют свою собственность, «творяют человеческую связь, общественную сущность»³⁵, а общество выступает как «продукт взаимодействия людей»³⁶, сводится к «экстериоризации» отношений. «Люди, отнюдь не имея намерения образовывать общество, сделали, однако, так, что развилось общество потому, что они всегда хотели развиваться лишь как разрозненные личности и поэтому достигли своего собственного развития только в обществе и через него»³⁷.

Производственные отношения являются не только внешней, надиндивидуальной сущностью, но и «сущностью каждого отдельного индивида, его собственной деятельностью, его собственной жизнью»³⁸, отношение как «единство парит над единичным, оно не порывает с ним, не абстрагируется от него, наоборот, оно наличествует в нем, но скрыто...»³⁹. Субъекта определяет не его абстрактная физическая природа, а его социальное качество, т.е. «общность... есть человеческая сущность»⁴⁰. Таким образом, производственные отношения к окружающей действительности, к природно-социальной среде в виде труда и сотрудничества являются функцией и абсолютным способом существования человека, а homo faber («человек трудящийся»⁴¹ французского философа А. Бергсона (1859-1941)) выражает сущность социальной формы движения материи.

Необходимо подчеркнуть, что научное исследование неравновесных экономических явлений требует доведения его до познания субстанции объекта. Это позволяет вскрыть причины явлений. В свете данного гносеологического принципа человек есть материальный субстрат общества, а его сущность - устойчивые производственные отношения - представляет субстанцию человека. Поскольку деятельность нельзя сводить к его носителю, то отношения-субстанция явля-

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 95

²⁶ Там же. Т. 26. Ч. III. С. 143.

²⁷ Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М.-Л., 1929-1959. Т. 8. С. 20.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 27, 28.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С. 630.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 214.

³¹ Там же. Т. 23. С. 89.

³² Там же. Т. 3. С. 3.

³³ Там же. Т. 1. С. 414.

³⁴ Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978. С. 277.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Т. 27. С. 402.

³⁷ Там же. Т. 3. С. 72.

³⁸ Там же. Т. 42. С. 23.

³⁹ Там же. С. 277.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 447.

⁴¹ Бергсон А. Собрание сочинений: В 5 т. СПб., 1913. Т. 3. С. 211.

ется внешней характеристикой, атрибутом субъекта производства, средством разрешения противоречия между его потребностями и способностями. (Смещение субстанции с субстратом недопустимо. Встречающиеся в литературе трактовки тех или иных явлений не как субстрата, а как субстанции, т.е. в отрыве исходного противоречия от его субстрата, не позволяют раскрыть в полной мере закономерности развития соответствующих объектов.) И здесь проявляется действие закона отрицания отрицания. Если закон единства и борьбы противоположностей выражает взаимосвязь двух противоречащих сторон - потребностей и способностей человека, то закон отрицания отрицания предполагает образование нового компонента общества как продукта взаимодействия сторон человека: "Существование двух взаимно противоречащих сторон, их борьба и слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения"⁴². История - не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека, "как порождение человека человеческим трудом"⁴³ и, поскольку труд есть "вечное естественное условие человеческой жизни... он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем его общественным формам"⁴⁴.

В целом можно отметить, что использование в неравновесной теории категории "человек" позволяет свести к ней, а также и вывести из нее такие наиболее абстрактные понятия теории Маркса, как "производственные отношения", "производительные силы" и "надстройка"; "производительные силы и общественные отношения - те и другие - являются различными сторонами развития общественного индивида"⁴⁵. "Все исторические коллизии, согласно нашему пониманию, - писал Маркс, - коренятся в противоречии между производительными силами и формой общения"⁴⁶. Однако в более широком плане это противоречие есть только форма выражения противоречия человека. Более того, поскольку "триада Маркса" "производительные силы - базис - настройка" нами была трансформирована в еще более фундаментальный дуализм "социология - технология" производства, то исходная абстракция "че-

ловек" приобретает дополнительное обоснование и становится предметом новой системы координат неравновесной экономической теории. Все ее конкретное содержание представляет собой "феноменологию человека". Усиление абстрактности исходных посылок теории за счет экономической концепции человека обеспечивает приращение конкретного знания в виде прогнозируемых технологий и социологий производства.

"Сущность - это внутреннее содержание предмета, - определяет понятие энциклопедический словарь, - выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия"⁴⁷, она "представляет собой совокупность всех необходимых сторон и связей вещи, взятых в их естественной взаимозависимости..." - пишет философ А.П. Шептулин⁴⁸. Проще говоря, сущность есть устойчивые связи и отношения, структура объекта.

Поскольку же "сущность является", то она тяготеет к категории "закон", характеризующей внутреннюю устойчивую связь явлений, "законы и сущность понятия однородные... выражающие углубление познания человеком явлений..."⁴⁹. Однако это не означает, что сущность неизменна, "не только явления преходящи, подвижны, текучи... но и сущности вещей"⁵⁰, в связи с чем проанализируем понятия "осуществление" и "существование" ("эссенция" и "экзистенция") и их значение в теории развития экономики.

В целом эти понятия объективно отражают развитие сущности того или иного объекта. Осуществление - процесс становления сущности, формирование структуры объекта, когда его элементы образуют взаимосвязи. Становление сущности происходит в ходе развития исследуемого объекта в недрах другого объекта как его составной части: "Становление как становление сущности есть прежде всего действие, переход сущности в свободу наличного бытия; но переход этот есть все же пребывание внутри себя"⁵¹. Существование же - это самостоятельное, в итоге непосредственное бытие объекта, бытие на

⁴⁷ Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 25. М., 1974. С. 111.

⁴⁸ Шептулин А.П. Категории диалектики. М., 1971. С. 198.

⁴⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. М., 1958-1965. Т. 29. С. 136.

⁵⁰ Там же. С. 227.

⁵¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 155.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 136.

⁴³ Там же. Т. 42. С. 126.

⁴⁴ Там же. Т. 23. С. 195.

⁴⁵ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 214.

⁴⁶ Там же. Т. 3. С. 74.

собственной основе, со своим внутренним содержанием, своей сущностью. “Сущность, достигшая непосредственности, есть ближайшим образом существование...”⁵². Объект, находящийся в состоянии существования, в отличие от состояния осуществления, является не потенциальным (возможным), а актуальным (действительным), ибо “действительное... не подвержено переходу и его внешность есть энергия... есть проявление самого себя, а не другого”⁵³, “есть единство сущности и существования”⁵⁴. Познание сущности, не перешедшей в собственное бытие (существование), невозможно, так как оно в данном случае представляет собой явление иной, “чужой” сущности. Поэтому исходная форма сущности есть ее синкретическое (слитное) тождество с явлением, соответствующее совокупности еще не вступивших во взаимосвязи элементов, “вещей-в-себе” (“ноуменов”) объекта. В развитой же форме сущность уже противоречит явлениям (“феноменам”, “модусам” или “экзистенциалам”), не совпадает с ними в силу глубокой дифференцированности и структурности объекта, элементы которого являются “вещами-для-других”, находятся в сложных взаимосвязях и составляют целостную систему. На стадии осуществления сущность - явление по отношению к элементам объекта - представляется как внешнее, поверхностное; на стадии существования она сначала выступает как внутреннее, опосредованное, скрытое за явлениями содержание и, только став действительностью, оказывается непосредственной, вновь совпадающей с явлениями, но явлениями собственными.

Раскрытие диалектики сущности объекта позволяет подтвердить важность в исследовании исторического метода, поскольку “суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением”⁵⁵.

В свете изложенной модели “сущности” становятся полностью ясными также процессы абстрагирования и конкретизации. Познание сущности через вычленение порождающих сущность абстракций оказывается возможным только на стадии действительности объекта, т.е. в услови-

ях его зрелой формы, когда поверхностные, непосредственные явления выражают самую истинную сущность. Поэтому при всей справедливости мысли о том, что “если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня”⁵⁶, необходимо отметить, что и наука существует только потому, что в определенный момент сущность и ее явления совпадают. Поскольку же реальная действительность представляет собой поток явлений, то научная теория того или иного объекта предполагает выделение соответствующего круга явлений, в котором одно явление есть непосредственное, существенное, а следовательно, и исходное, систематизирующее остальные опосредованные явления. Теоретическое абстрагирование есть мысленная операция, противоположная процессу осуществления, при которой происходит как бы переход сущности извне внутрь абстракции, внешних взаимосвязей элементов объекта в их внутренние противоречия (интериоризация). Конкретизация, реконструирующая в теории объект, его осуществление и существование, превращает данные противоречия в модельную структуру объекта (экстериоризация).

В развитии сущности и абстракций действует диалектический закон отрицания отрицания, который выражает триадичность эволюции объекта исследования - начальное, промежуточное и конечное его состояния, в теории представленные понятиями “утверждение”, “отрицание” и “отрицание отрицания” (или - “положение”, “противоположение” и “сочетание”, или - “тезис”, “антитезис” и “синтез”). Противоречивая абстракция обладает внутренней потенцией, способностью к превращению в свою противоположность, поскольку даже в синкретической, свернутой форме содержит это собственное иное, инобытие, которое при отрицании становится, а в завершении всего диалектического цикла “снимается” в конечном, положительно преобразуется и включается в конечное. “Противоречие есть первое отрицание, а разрешение его есть второе отрицание”⁵⁷.

Человек, “с одной стороны, наделен природными силами, жизненными силами... в виде задатков и способностей; с другой стороны... предметы его влечений существуют вне его, как независимые от него предметы... суть предметы

⁵² Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 5. С. 573.

⁵³ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 2 т. Т. 1. С. 313.

⁵⁴ Там же. С. 312.

⁵⁵ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 4. С. 2.

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. С. 384.

⁵⁷ Фишер К. История новой философии: В 8 т. М.-Л., 1933-1936. Т. 8. Ч. 1. С. 336.

его потребностей...⁵⁸. В логическом, моментном аспекте человек как субъект производства опредмечивает себя, “свою сущность” и “свою собственность” в продукте: “...всякое производство есть некоторое опредмечивание индивида”⁵⁹. В качестве же субъекта потребления человек распредмечивает свой труд и воспроизводит свои способности. “Труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности”⁶⁰, мы “имеем перед собой под видом... полезных предметов... опредмеченные сущностные силы человека”⁶¹, а в себе очеловеченные сущностные силы внешних предметов. Таким образом, способности и потребности находятся в постоянном взаимопревращении. Этот воспроизводственный процесс является элементарным и в теоретической форме первичным: “Индивиды, производящие в обществе, а следовательно, - общественно-определенное производство индивидов, - таков, естественно, исходный пункт”⁶². И здесь также обнаруживается действие закона отрицания отрицания.

Взяв за исходное противоречивого “человека”, мы можем прийти к нему снова, только “превратив” его в противоположное. “Всякое явление, развиваясь до конца, - писал русский философ Г.В. Плеханов (1856-1918), - превращается в свою противоположность, но так как новое, противоположное первому явлению также, в свою очередь, превращается в свою противоположность, то третья фаза развития имеет формальное сходство с первой”⁶³. Причем отрицание человека есть его развитие в свою противоположность, выступающую “как свое другое, как инобытие человека”. Гегель, характеризуя процесс опредмечивания, писал: “Я делаю себя непосредственной вещью... в труде”, поскольку “все это часть меня самого”⁶⁴. Распредмечивание же как воздействие внешнего предмета, продукта на человека означает персонификацию производственной вещи; труд, овеществленный субъектом в продукте,

вновь превращается в рабочую силу, воспроизводится.

Диалектическое определение “человека” как характеристика его перехода в противоположность (самоотрицания), его полной реализации, превращения в свое иное и возвращения к самому себе имеет два аспекта: технологический и социологический. Вышерассмотренный процесс опредмечивания-распредмечивания человека представляет собой его технологическое определение. Социологическое же определение “человека” заключается в характеристике его отчуждения и освоения, т.е. превращения его “сотрудничества” с другими индивидами в “соперничество”, конкуренцию с ними и власть над ним, а также обратного процесса возвращения человеку его родовой сущности. Общее диалектическое определение “человека” как единства его технологического и социологического определения есть описание его осуществления-существования.

Выше было показано, что в силу явления рекапитуляции исторический анализ в общих чертах повторяет, копирует логический анализ так, что фазы функционирования объекта по своему содержанию совпадают с фазами его развития. Если логическое “воспроизводство человека”, т.е. “превращение субъекта в объект”⁶⁵ и обратно, обуславливает синхронность, одновременность прохождения составляющих его моментов, а исследователь при этом “рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как самоотчуждение и снятие этого самоотчуждения... стало быть, ухватывает сущность труда”⁶⁶ и сотрудничества, то историческое “воспроизводство человека” диахронно, разделяется на необратимые и неравновесные, следующие один за другим, широкомасштабные процессы опредмечивания-распредмечивания и отчуждения-освоения человека.

Если историческое опредмечивание субъекта труда сводится к образованию отдельного замкнутого натурального хозяйства, а историческое отчуждение субъекта сотрудничества фиксируется в “гражданском обществе”, то единство того и другого отрицания, т.е. осуществление “человека”, завершается в товарных отношениях рыночной экономики. В ней реализуются “вещные отношения лиц и общественные отношения вещей”, взаимопроникновенность и одновременно

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 162, 163.

⁵⁹ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 171.

⁶⁰ Там же. Т. 23. С. 200.

⁶¹ Там же. Т. 42. С. 123.

⁶² Там же. Т. 46. Ч. I. С. 17.

⁶³ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956-1958. Т. 1. С. 572.

⁶⁴ Hegel. Jenenser Reallphilosophie. II. Berlin, Bd. 20. P. 217.

⁶⁵ Фейербах Л.А. Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 35.

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С. 625.

взаиморазделенность сторон противоречия индивида, потребности и способности которого оказываются тождественными, соответственно, способностям и потребностям всех остальных индивидов “гражданского общества” как совокупности товаропроизводителей-товаропотребителей. Таким образом, с точки зрения воспроизводства индивида логическая и историческая структуры общества эквивалентны, тождественны.

На первой фазе исторического воспроизводства “человека”, которая охватывает половину истории общества от возникновения людей до средневековья, сущность (субстанция) человека - его производственные отношения труда и сотрудничества функционируют и развиваются еще в рамках природных сил. “Во всех формах хозяйства, где господствует земельная собственность, преобладают еще отношения, определяемые природой”⁶⁷, поскольку в земледелии, в его дорыночных формах человеческий труд выступает скорее лишь как помощник природного процесса, который им не контролируется. Первую фазу исторического воспроизводства “человека” следует рассматривать как основание второй его фазы, фазы существования “человека”, на которой его сущность, представленная в виде экономических производственных отношений, имеет собственные явления - развивающиеся товарно-денежные отношения, поскольку здесь общественные отношения выступают в форме вещи (в силу “несамостоятельного” развития общества до средневековья общественное сознание, включая экономическую теорию, было составной частью естествознания, и только с осуществлением “человека” и становлением цивилизации на собственную экономическую базу гражданского общества общественное сознание превращается в самостоятельную науку, а в политической экономии наступает классический период развития).

“Человек может целиком направить себя на универсальное опредмечивание своих задатков и способностей, на полное осуществление своей внутренней сущности как человека”⁶⁸. И это действительно происходит с установлением простого товарного производства, которое представляет собой особую фазу в развитии противоречия человека, фазу завершения процесса его отрицания и одновременно утверждения “своего иного”. Если в логическом воспроизводстве субъекту противостоит продукт, то в историческом воспроизводстве, предполагающем переход от индивида к совокупности участников производства, человеку противостоит товар. Продукты труда “становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты независимых друг от друга частных работ. Комплекс этих работ образует совокупный труд общества”⁶⁹. Категория “товар” отражает “взаимное проникновение полярных противоположностей и превращение их друг в друга, когда они доведены до кратности”⁷⁰. Эта переходная от осуществления к существованию фаза развития “человека” характеризуется тем, что производители вступают в общественный контакт между собой лишь путем обмена своего труда, а специфический общественный характер их частных работ проявляется только в рамках этого обмена. В процессе исторического опредмечивания бытие человека отодвигается на второй план, а на его место становится его “опредмеченная собственность”, его “инобытие” - бытие товара, человек превращается в реальную абстракцию, выражает рабочую силу как одностороннюю способность к труду. Сам обмен является одним из главных средств обособления индивида, при котором “полное выявление внутренней сущности человека выступает как полнейшее опустошение, этот универсальный процесс овеществления - как полное отчуждение...”⁷¹.

Поступила в редакцию 03.03.2009 г.

⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 44.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. С. 476.

⁶⁹ Там же. Т. 23. С. 82.

⁷⁰ Там же. Т. 20. С. 373.

⁷¹ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 476.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ РЫНКА

© 2009 С.Н. Ревина

доктор юридических наук, доцент

Самарский государственный экономический университет

Рассмотрены проблемы определения административной ответственности в условиях современных рыночных отношений, дан анализ административной ответственности в широком смысле, исследован характер норм административной ответственности.

В литературе существует позиция, согласно которой понятие “юридическая ответственность” может включать в себя концепцию ретроспективной и концепцию позитивной ответственности¹. Подобный подход к пониманию юридической ответственности хорошо изложен Н.С. Малеиным: “Конструирование двух видов юридической ответственности - негативной и позитивной - или объединение их в одну категорию вряд ли приемлемо. Ответственность должна иметь основание. Основанием ретроспективной ответственности является правонарушение. А где основание перспективной (позитивной)? Можно ли и нужно ли объединять одним понятием столь различные категории? Практическое и теоретическое значение подобных обобщений пока не показано и не доказано. Моральную ответственность нельзя отождествлять с юридической”².

Применительно к рыночным отношениям существенное значение имеет анализ норм административной ответственности. Прежний Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) предусматривал ответственность только для граждан, кодифицированного акта об административной ответственности субъектов права не было до 2002 г. Нужно отметить, что административная ответственность юридических лиц применялась, правда крайне ограниченно, и до 1990-х гг.: в 1970-1980-е гг. применялись экономические санкции к хозяйствующим субъектам за нарушение правил ценообразования, стандартизации и др., они носили административно-правовой

характер. Обсуждалась эта проблема и в юридической литературе³.

В 1990-е гг. не было единообразия в привлечении к ответственности субъектов предпринимательского права: нормы ответственности содержались в разных отраслевых нормативных актах; не были понятны природа ответственности данных субъектов, порядок их привлечения к ответственности, порядок взыскания штрафных санкций, срок привлечения к ответственности, существовало дублирование норм об ответственности и т.д.⁴ КоАП РФ 2002 г. в значительной степени систематизировал нормы ответственности за нарушения законодательства в области предпринимательской деятельности, финансов, налогов и сборов, рынка ценных бумаг, валютного регулирования. В результате исчезло большое количество норм об ответственности, содержащихся во многих нормативных актах, регулирующих административно-правовые отношения, - в Таможенном кодексе РФ, федеральных законах “О рекламе”, “Об экспортном контроле”, “Об аудиторской деятельности” и др. Сегодня составы административных правонарушений в сфере рынка содержатся в гл. 14 “Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности” и гл. 15 “Административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, рынка ценных бумаг”.

³ См.: Мосин Е.Ф. Административная ответственность за правонарушения в сфере бизнеса. СПб., 1998; Овчарова Е.В. Административная ответственность юридических лиц: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Морозова Н.А. Административная ответственность юридических лиц: история, теория, практика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

⁴ См.: Гусева Т. Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях - 5 лет // Право и экономика. 2007. № 11. С. 4.

¹ Федорова В.Г. Понятие юридической ответственности и ее регулятивно-охранительная природа // Государство и право. 2007. № 9. С. 92.

² Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985.

В последние годы был принят ряд федеральных законов, устанавливающих административную ответственность хозяйствующих субъектов: “О защите прав потребителей”, Налоговый кодекс (НК) РФ, Бюджетный кодекс (БК) РФ и др. Хочется отметить, что административная ответственность нами рассматривается в широком смысле и охватывает налоговую, бюджетно-правовую ответственность, ответственность за валютные правонарушения и т.д.

Правда, в литературе встречается идея о признании финансовой, налоговой и бюджетной ответственности как самостоятельных видов юридической ответственности⁵. Так, И.В. Маштаков различает административную и налоговую ответственность⁶. Т. Гусева считает, что налоговая ответственность, являясь по своей природе административной, обладает рядом признаков, позволяющих выделить ее как самостоятельный вид юридической ответственности⁷. Е.В. Овчарова категорически возражает против выделения налоговой ответственности как самостоятельного вида ответственности и полагает, что нарушения налогового законодательства являются преступлениями, если ответственность за их совершение предусмотрена в УК РФ, и административными правонарушениями, если ответственность за их совершение предусмотрена в КоАП РФ и Налоговом кодексе РФ. Налоговая ответственность, по мнению Е.В. Овчаровой, является по существу админи-

стративной ответственностью⁸. А. Боброва выделяет три уровня налоговой ответственности: 1) ответственность за совершение налогового правонарушения; 2) уголовная ответственность; 3) административная ответственность. При этом, подчеркивает автор, основанием всех трех видов ответственности является налоговое правонарушение⁹. О.О. Журавлева отличает финансовую ответственность, под которой она понимает налоговую ответственность, от административной и уголовной прежде всего по цели, так как у двух последних отсутствует правовосстановительная цель. Нарушение бюджетного законодательства, по мнению автора, есть комбинация финансового правонарушения и административного правонарушения (преступления)¹⁰. В.М. Чибинев проводит различие между налоговой и административной ответственностью по основаниям возникновения, по целям и по применяемым санкциям, признавая налоговую ответственность финансово-правовой¹¹. При этом авторы, признающие налоговую ответственность разновидностью административной ответственности, обычно ссылаются на Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 130-О, согласно которому штрафные санкции, применяемые налоговыми органами за нарушение норм законодательства, направленного на обеспечение фискальных интересов государства, относятся к мерам взыскания административно-правового характера¹². Во-первых, кроме постановлений Конституционного Суда РФ о конституционности тех или иных правовых норм, остальные решения Суда не носят обязательного нормативного характера, а позиции, изложенные Судом в своих постановлениях, определениях, тем более не могут носить обязывающего

⁵ Белошатко Ю.Н. Правонарушение и ответственность в финансовом и налоговом праве Российской Федерации // Правоведение. 2001. № 5; Ефремова Е.С. Ответственность за совершение налоговых правонарушений: понятие, признаки, функции // Правоведение. 2002. № 2; Разгильдиева М.Б. Налоговая ответственность в системе юридической ответственности // Правоведение. 2002. № 5; Журавлева О.О. К вопросу о правовой природе финансовой ответственности // Юрист. 2003. № 12. С. 12; Крохина Ю.А. Теоретические основы финансово-правовой ответственности // Журн. рос. права. 2004. № 3. С. 88; Макарова Н.С. О бюджетной ответственности // Юрист. 2004. № 5; Комягин Д.Л. Бюджетно-правовая ответственность как подвид финансово-правовой ответственности: виды, классификация и особенности // Фин. право. 2006. № 10; Мусаткина А.А. Правоотношение финансовой ответственности: понятие и содержание // Правоведение. 2006. № 3.

⁶ Маштаков И.В. Проблемы теории правонарушения. Самара, 2005. С. 41-42.

⁷ Гусева Т.А. Проблемы совершенствования механизма налогового контроля и порядка привлечения к налоговой ответственности: Дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

⁸ Овчарова Е.В. Проблемы применения административной ответственности за нарушения налогового законодательства по Налоговому кодексу РФ (НК РФ) и Кодексу РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) // Государство и право. 2007. № 8. С. 14.

⁹ Боброва А. Классификация видов налоговой ответственности и их взаимодействие // Право и экономика. 2006. № 2. С. 54-62.

¹⁰ Журавлева О.О. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности // Фин. право. 2004. № 4. С. 23-28.

¹¹ Чибинев В.М. Проблемы отграничения налоговой ответственности от других видов юридической ответственности // Юрист. 2006. № 4. С. 40-44.

¹² Собрание законодательства РФ. 2001. № 34. Ст. 3512.

характера. Во-вторых, как известно, многие решения Суда подвергаются обоснованной критике, и не случайно некоторые из них впоследствии пересматриваются самим Судом. И наконец, в-третьих, и это самое главное, в литературе господствует точка зрения о наличии финансовой ответственности как самостоятельного вида ответственности, выделение которой обусловлено существованием финансового права как самостоятельной отрасли права, что никто не оспаривает. Финансовая же ответственность как раз и включает в себя налоговую и бюджетно-правовую ответственность.

В связи с действием не так давно принятого Бюджетного кодекса РФ в последнее время стали исследоваться проблемы бюджетно-правовой ответственности. К сожалению, законодательство об ответственности за нарушение норм не отличается необходимой конкретностью и непротиворечивостью. Так, в ст. 283 БК РФ перечисляются 30 видов бюджетных правонарушений. Во-первых, в других статьях Кодекса указаны еще не менее 10 бюджетных правонарушений (ст. 31-40, 76, 80 и др.), но они не включены в “Основания применения мер принуждения за нарушения бюджетного законодательства РФ”; во-вторых, Кодекс не определяет, за какое нарушение должно последовать наказание (а меры ответственности установлены весьма разнообразные и разнохарактерные), что может привести к усилению субъективного усмотрения правоприменителем при выборе санкций. Все меры в случае установления нарушения бюджетного законодательства подразделяются на три группы: предупредительные меры, праввосстановительные (компенсационные) меры и карательные меры. При этом специфический, присущий только бюджетному законодательству, характер имеют лишь некоторые из компенсационных мер (например, блокировка расходов, приостановление по лицевым счетам), нормы бюджетного законодательства, основы которых БК РФ не согласованы с действующими нормами КоАП РФ. В КоАП РФ нет отдельной главы, посвященной нарушениям бюджетного законодательства, в нем содержатся лишь три статьи, устанавливающие административную ответственность за административные правонарушения в бюджетной сфере: ст. 15.14 “Нецелевое исполъ-

зование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов”, ст. 15.15 “Нарушение сроков возврата бюджетных средств, полученных на возвратной основе”, ст. 15.16 “Нарушение сроков перечисления платы за пользование бюджетными средствами”. Из 13 нарушений бюджетного законодательства, предусмотренных частью четвертой Бюджетного кодекса РФ (ст. 289-306), остаются 12 видов нарушений бюджетного законодательства, предусмотренных БК РФ (ст. 293, 295-303, 305, 306), но не названных в КоАП РФ¹³. Следовательно, как правильно замечает Н. Деменкова, при совершении правонарушений, предусмотренных ст. 293, 295-303, 305, 306 БК РФ, невозможно применить предусмотренную в них меру ответственности - наложение штрафа, так как указанные статьи имеют отсылку к КоАП РФ, в котором в свою очередь отсутствуют соответствующие составы правонарушений¹⁴.

Согласно ст. 282 Бюджетного кодекса РФ к нарушителям бюджетного законодательства могут быть применены следующие меры:

- предупреждение о ненадлежащем исполнении бюджетного процесса;
- блокировка расходов;
- изъятие бюджетных средств;
- приостановление операций по счетам в кредитных организациях;
- наложение штрафа;
- начисление пени;
- иные меры, предусмотренные настоящим Кодексом и федеральными законами.

К иным мерам можно отнести:

- сокращение или прекращение всех форм финансовой помощи из соответствующего бюджета (ст. 290 БК РФ);
- выплату компенсации получателем бюджетных средств в размере недофинансирования (ст. 293 БК РФ);
- аннулирование государственных или муниципальных гарантий (ст. 300 БК РФ).

К мерам принуждения, применяемым за нарушение бюджетного законодательства, относят также:

- передачу исполнения бюджета субъекта РФ под контроль Минфина РФ за превышение субъек-

¹³ Другова Ю.В. Ответственность за нарушения бюджетного законодательства // Журн. рос. права. 2003. № 3. С. 18-26.

¹⁴ Деменкова Н. Правовая природа административной ответственности за нецелевое использование бюджетных средств // Право и экономика. 2007. № 3. С. 100.

том РФ норматива расходов на обслуживание государственного долга и неспособность самостоятельно осуществлять погашение и обслуживание долговых обязательств (ст. 112);

- возмещение на основании судебного акта убытков, причиненных физическому или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания актов государственной власти или органов местного самоуправления, не соответствующих закону или иному правовому акту (ст. 238);

- право законодательного (представительного) органа субъектов РФ, органа местного самоуправления (в случае отклонения отчета об исполнении бюджета по мотивам несоответствия исполнения бюджета утвержденному закону (решению) о бюджете) возбудить процедуру недоверия соответствующему органу исполнительной власти и его должностным лицам, отзыва выборных должностных лиц субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, привлечения к иным формам ответственности исполнительного органа либо его должностных лиц (ст. 27).

Меры принуждения, применяемые за нарушение бюджетного законодательства, налагаемые Министром финансов РФ, носят следующий характер:

- запрещение главному распорядителю бюджетных средств изменять целевое назначение бюджетных средств в пределах сметы (п. 2 ст. 166);

- лишение федерального государственного органа, бюджетного учреждения прав главного распорядителя бюджетных средств вследствие назначения в этот орган (учреждение) уполномоченного по федеральному бюджету, к которому переходят все полномочия главного распорядителя, распорядителя и получателя бюджетных средств (п. 3 ст. 166)¹⁵. Следует отметить, что КоАП РФ предусматривает ответственность не только за налоговые правонарушения, но и за нарушения банковского законодательства.

¹⁵ Арсланбекова А.З. Характеристика санкций, применяемых за нарушение бюджетного законодательства // Юрист. 2006. № 3. С. 27-30; Саттарова Н. Применение мер принуждения за нарушения бюджетного законодательства // Право и экономика. 2005. № 8. С. 43-48; Она же. О части четвертой Бюджетного кодекса РФ // Фин. право. 2008. № 3. С. 8-10.

Так, на основании ст. 15.17-15.24 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за недобросовестную эмиссию ценных бумаг, незаконные сделки с ценными бумагами, за нарушение требований законодательства, касающихся представления и раскрытия информации на рынке ценных бумаг, и т.д. Здесь основными субъектами ответственности выступают лица, имеющие специальный правовой статус. К примеру, по ст. 15.21 КоАП РФ, к административной ответственности за использование служебной информации могут привлекаться служащие кредитной организации, обязанные согласно ст. 26 Федерального закона РФ "О банках и банковской деятельности" хранить банковскую тайну, к которой, помимо данных об операциях, счетах и вкладах ее клиентов и корреспондентов, относятся иные сведения. Ими, в частности, являются разнообразные материалы и документы о профессиональной деятельности банка на рынке ценных бумаг¹⁶.

КоАП РФ впервые в ст. 2.10 установил ответственность юридических лиц. В п. 2 ст. 2.1 дается понятие вины юридического лица. В соответствии с этой нормой юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых Кодексом или законами субъекта РФ предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению. Не останавливаясь на правовой природе вины юридических лиц, которая наиболее подробно исследовалась в цивилистической литературе, можно утверждать на основе анализа ст. 2.1, что установление вины юридического лица предполагает исследование вины, как правильно утверждает Т.А. Аппакова, должностных лиц в совершении правонарушения¹⁷. Такой же порядок установления вины организации предусмотрен Налоговым кодексом РФ. Согласно п. 4 ст. 110 Кодекса вина организации в совершении

¹⁶ Приданникова М.А. Административная ответственность за нарушения законодательства о банках и банковской деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

¹⁷ Аппакова Т.А. Проблемы административной ответственности юридических лиц // Вестн. Высш. Арбитражного Суда РФ. 2003. № 1. С. 128; Колесниченко Ю.Ю. Некоторые аспекты вины юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности // Журн. рос. права. 2003. № 1. С. 80.

налогового правонарушения устанавливается в зависимости от вины ее должностных лиц либо их представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного правонарушения.

Вместе с тем законодательство об административной ответственности юридических лиц содержит некоторые исключения, когда возможна ответственность без вины. В новом КоАП РФ предусмотрены такие случаи. Это прежде всего ситуации административной ответственности юридических лиц при реорганизации (слиянии, преобразовании, разделении, присоединении). Все указанные случаи связаны с прекращением деятельности правонарушителя и появлением у него одного или нескольких правопреемников, которые самостоятельно несут административно-правовую ответственность только за собственные деяния. Такой же случай предусмотрен в п. 2 ст. 50 Налогового кодекса РФ: “На правопреемника (правопреемников) реорганизованного юридического лица возлагается также обязанность по уплате причитающихся сумм штрафов, наложенных на юридическое лицо за совершение налоговых правонарушений до завершения его реорганизации”.

В соответствии с подп. 9 п. 1 ст. 31 НК РФ налоговый орган имеет право взыскивать недоимки по налогам и сборам, а также пени в порядке, установленном в НК РФ, т.е. во внесудебном, беспорядном порядке. Но из этого следует, что субъект, нарушивший налоговую норму, является невиновным. Помимо этого, Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 15 июня 1999 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР “О государственной налоговой службе РСФСР” и законов “Об основах налоговой системы в РФ” и “О федеральных органах налоговой полиции” указал, что в тех случаях, когда пеня имеет характер меры ответственности, а не восстановительный характер мер защиты, недопустимо ее взимание без наличия вины и в беспорядном порядке. Поскольку установление вины нарушителя законодательства о налогах и сборах является обязанностью правоприменителя, реализация карательной функции налоговой ответственности возможна лишь в случае установления вины¹⁸.

При привлечении к ответственности юридического лица в административном праве оно от-

¹⁸ Иванов И.С. Проблемы безвиновной ответственности налогоплательщиков // Налоговое право. 2006. № 9. С. 7.

вечает за все, что связано и находится в причинно-следственной связи с его деятельностью¹⁹. Суды на практике, например, не ставят вопрос о виновности банка в случае привлечения его к ответственности. Рассматриваются лишь факт несоблюдения банком требований действующего законодательства, серьезность нарушения и его последствия²⁰.

В банковском публичном законодательстве почти ничего не говорится об обязательном наличии вины в действиях (бездействии) кредитной организации при условии привлечения ее к юридической ответственности. Многие основания для отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций, изложенные в ст. 20 Федерального закона “О банках и банковской деятельности” от 3 февраля 1996 г., разработаны по формальному признаку, например, установление недостоверности сведений, на основании которых выдана указанная лицензия; задержка начала осуществления банковских операций, предусмотренных этой лицензией, более чем на один год со дня выдачи; установление факта существенной недостоверности отчетных данных; задержка более чем на 15 дней представления ежемесячной отчетности (отчетной документации) и т.д. Банк России, применяя к кредитной организации санкции в виде отзыва лицензии, не берет во внимание какие-либо смягчающие или отягчающие обстоятельства, хотя ими могут быть: технические недоработки; ошибки в планировании деятельности кредитной организации; сбой в компьютерных программах; присутствие прямого или косвенного умысла в поведении должностных лиц; не рассматривается наличие или отсутствие вредных последствий выявленных нарушений и пр.²¹

Актуальным является вопрос, с какого возраста наступает налоговая ответственность. Если исходить из Гражданского кодекса (ГК) РФ, полная дееспособность возникает с 18 лет. Однако в соответствии со ст. 20 Трудового кодекса РФ лица уже в 16 лет, а согласно ст. 63 в некоторых случаях с 14 лет могут трудоустроиваться и получать заработную плату, и, следовательно, уже с этого возраста они обязаны платить соответствующие налоги. Согласно новому ГК лица от

¹⁹ Черкаев Д.Н. Административная ответственность юридических лиц // Законодательство. 2001. № 11. С. 51-59.

²⁰ Гогин А.А. О некоторых проблемах банковского законодательства // Банк. право. 2006. № 4. С. 38.

²¹ Гогин А.А. Указ. соч. С. 36-39.

14 до 18 лет могут получать доходы и имущество в свою собственность и, значит, должны платить также налоги. Таким образом, налоговая дееспособность может возникать в некоторых случаях в 14 лет, и именно с этого возраста лица должны нести ответственность за уклонение от уплаты налогов.

Если наличие штрафной функции административной ответственности не вызывает сомнения, то вопрос о ее восстановительной функции остается дискуссионным. Например, И.А. Галаган признает ее наличие²². А.П. Корнев отмечает наличие в административном законодательстве восстановительно-карательных и карательно-восстановительных санкций²³. В.Г. Розенфельд и Ю.Н. Стариков выделяют восстановительную функцию административного принуждения²⁴. Д.А. Липинский считает, что любая мера юридической ответственности одновременно является и карательной, и восстановительной²⁵.

Отдельные авторы относят к мерам восстановительной ответственности пеню в налоговом, бюджетном законодательстве²⁶, с чем никак нельзя согласиться, поскольку при выплате пени правонарушитель претерпевает лишения имущественного характера, она носит явно выраженный штрафной характер. Видимо, о восстановительной функции административной ответственности можно говорить лишь в том смысле, что восстановление права в качестве специфически-юридической цели любого вида наказания должно пониматься как восстановление правом предусмотренного порядка общественных отношений, как поддержание правопорядка²⁷.

²² Галаган И.А. Теоретические проблемы административной ответственности по советскому праву: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971. С. 23.

²³ Корнев А.П. Нормы административного права и их применение. М., 1978. С. 31.

²⁴ Розенфельд В.Г., Стариков Ю.Н. Административное принуждение. Административная ответственность. Административно-юрисдикционный процесс. Воронеж, 1993. С. 22.

²⁵ Липинский Д.А. Карательная и восстановительная функции налоговой ответственности // Юрист. 2003. № 8; Соломенник Н.Л. Восстановительная функция юридической ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2007; Чертов А.В. Правовосстановительная ответственность и ее место в системе юридических мер защиты: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

²⁶ Карасева М.В., Крохина Ю.А. Финансовое право. М., 2001. С. 90; Соловьев В. Правовосстановительная ответственность частного субъекта в налоговом законодательстве // Хозяйство и право. 2002. № 4. С. 94.

²⁷ Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 279.

Несмотря на принятие КоАП РФ, системный подход к административной ответственности юридических лиц в условиях рынка отсутствует. Нормы об административной ответственности содержатся не только в КоАП РФ, но и в других нормативных актах. Например, Федеральный закон "О коммерческих организациях" предусматривает административную ответственность в виде предупреждения (ст. 33). Федеральный закон "Об аудиторской деятельности" за составление ложного аудиторского заключения допускает аннулирование квалификационного аттестата аудитора, лицензии. Одинаковые составы правонарушений содержатся и в КоАП РФ, и в Налоговом кодексе РФ. Некоторые меры ответственности, носящие административно-правовой характер, содержащиеся в ряде нормативных актов (аннулирование действия лицензии, запрет заниматься определенной деятельностью, ликвидация юридического лица), не входят в состав мер ответственности, установленных в КоАП РФ²⁸.

Достаточно часто нормы об административной ответственности устанавливаются не в законах, а в подзаконных актах. Следует отметить, что нормы ответственности содержатся в инструкциях не только ЦБ РФ, но и Федеральной службы по налогам и сборам, Федеральной таможенной службы и др., что, безусловно, противоречит принципу приоритета закона в регулировании общественных отношений, тем более в сфере юридической ответственности, которая ограничивает права граждан, юридических лиц.

КоАП РФ и некоторые другие административно-правовые акты предусматривают освобождение от административной ответственности. К сожалению, такой важный для регулирования рыночных отношений законодательный акт, как Налоговый кодекс РФ, не содержит оснований освобождения от ответственности, что вряд ли оправдано, тем более что Уголовный кодекс РФ предусматривает возможность освобождения виновного от ответственности за совершение более тяжкого налогового правонарушения (ст. 198, 199 УК РФ).

Поступила в редакцию 06.03.2009 г.

²⁸ Липинский Д.А. Несогласованность Кодекса об административных правонарушениях // Юрист. 2003. № 7; Завидов Б.Д. Основные идеи и положения КоАП РФ, влияющие на характер административной ответственности // Юрист. 2003. № 11.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ СУБЪЕКТА УЧРЕДИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА НОВОГО ВРЕМЕНИ

© 2009 В.А. Токарев
Самарский государственный университет

На материале политико-правовых учений эпохи Просвещения анализируется конструкт субъекта учредительной власти. Размещаясь в пространстве юридического и политического полей, он оказывается отправной точкой для размышлений о кризисной ситуации как онтологическом основании права и вместе с тем сам выступает в качестве рефлекслирующей и принимающей правовые решения инстанции.

По замечанию философа права А. Кожева, исследования феномена власти своим предметом могут иметь как саму сущность власти, так и процессы ее передачи, происхождения¹. Проблематика генезиса власти и права ориентирует на постановку вопроса об учредительной власти, принимавшей в позитивной истории самые разнообразные формы. В инструментарии философии права для их адекватного осмысления используется конструкт субъекта учредительной власти, прообразом которого в эпоху Нового времени следует признать мифического Законодателя просветителей. Взаимосвязь интеллектуального наследия Просвещения с политическим и правовым опытом XVIII-XXI вв., вобравшим в себя ряд революций и контрреволюций, реформ и контрреформ, актуализируется в контексте современной России, переживающей очередной этап поисков идентификации правового сознания.

Французскими просветителями впервые в Новое время была обоснована возможность выявления рациональных оснований общественных явлений, их взаимосвязи в рамках единой и целостной системы политико-правового бытия. Его логика оказалась понятой благодаря методологии познания, разработанной просветителями и предполагавшей анализ сложной генеалогии социальных институтов в системно-структурном плане. В своем знаменитом трактате “О Духе законов” Ш.-Л. Монтескье от книги I, посвященной законам вообще, последовательно переходит к анализу взаимоотношений между ними и частными сторонами общественной жизни: “...А политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума”². Перед читателями трактата разворачивается не только поражающая воображение картина юридической мате-

рии, где каждый отдельный элемент тесно связан с другими, а все вместе они, как следствия, логически вытекают из общих принципов, но также и сложный процесс ее становления и развития - статика и динамика политико-правовой среды.

Объединивший анализ отдельного, особенно общего и общего в политической и правовой реальности такой метод позволил осмыслить их в тотальности, легитимировав справедливость притязаний представителей секуляризованного общества на их участие в осуществлении первоначальной (принимающей Основной закон) и институциональной (вносящей поправки) учредительной власти. “Не произвольные веления какого-либо одного лица, а воля тысяч людей, принявших единое решение по поводу своего благополучия и своей безопасности, - вот основа закона”³, - недвусмысленно замечает Д. Дидро императрице Екатерине II после внимательного прочтения ее “Наказа”, адресованного депутатам Комиссии по составлению Уложения.

Это обстоятельство определило обращение просветителей к субъекту права, его становлению, бытию и творческой деятельности, направленной на преобразование социальной реальности, на создание соответствующих ей юридических норм. Рассуждая, к примеру, в гл. 6 кн. V “О Духе законов” о поддержании в демократическом государстве духа торговли, Ш.-Л. Монтескье предлагает несколько способов, связанных между собою. По его мнению, для достижения поставленной цели необходимо, чтобы граждане государства сами занимались торговлей. Кроме того, ее дух должен господствовать безраздельно, не смешиваясь ни с каким другим. Наконец, его следует тщательно охранять с помощью специальных законов и распределять богатства сре-

¹ Кожев А. Понятие власти. М., 2007. С. 7.

² Монтескье Ш.-Л. О Духе законов. М., 1999. С. 16.

³ Дидро Д. Замечания на “Наказ” Е.И.В. депутатам Комиссии по составлению законов // Собр. соч.: В 10 т. Т. X. Rossica. Произведения, относящиеся к России. М., 1947. С. 418.

ди населения лишь строго определенным образом, “чтобы те же законы, распределяя богатства по мере того, как они увеличиваются торговлей, доставляли каждому бедному гражданину такое благосостояние, которое давало бы ему возможность работать, как прочие”⁴.

Принципиально новая методология познания политических и правовых явлений, практического преобразования социальной реальности, разработанная просветителями, вскрыла диалектическую взаимосвязь субъективного и объективного в процессе законотворчества, который представал в комплексе формы (закон), сущности (“общая воля”, не подавляющая, но аккумулирующая в себе отдельные частные воли) и содержания права (конкретное содержание “общей воли”). В соответствии с этим разрешение проблемы противоречия между “естественным” и позитивным правом обнаружило себя в единственно возможной форме, примиряющей их между собой и при этом устанавливающей необходимое соотношение между ними, - в форме закона, акта, создаваемого свободным, активно действующим субъектом, осознающим себя неотъемлемой частью политической жизни общества.

Согласно просветителям, высший по своей юридической силе источник права в политически организованном обществе - закон - должен отвечать требованию легитимности как тому критерию, где, пересекаясь, дополняют друг друга принципы морали (“естественное” право) и положения позитивного права. Каждый раз акт, претендующий на то, чтобы стать законом, должен проходить проверку, причем не последнюю роль здесь играет судья. Заметим, что в советском обществе, вставшем в середине 80-х гг. XX в. на путь демократических преобразований, одним из первых мероприятий в этом направлении стало учреждение Конституционного Суда. Тем самым была продолжена традиция конституционного правосудия, которая восприняла идею просветителей о подчинении законодательной и институциональной учредительной власти предшествующей им исторически и логически первоначальной учредительной власти. Однако это положение, на наш взгляд, нуждается в уточнении.

Не вызывает сомнений, что в своем развитии общество и государство неоднократно сталкиваются с критическими ситуациями, разрушающими сложившийся порядок. Возникновение

⁴ *Монтескье Ш.-Л.* Указ. соч. С. 49.

исключительной ситуации выявляет те проблемы, о которых юристы в обычных случаях предпочитают либо молчать, либо спокойно рассуждать, откладывая принятие конкретного решения до того момента, когда ответственность за него можно будет возложить на третье лицо. Так, критически оценивая позитивное право и сложившуюся практику его применения, правоведы и практикующие юристы, обращающиеся в порядке процедуры конституционного контроля в вышестоящую инстанцию, которая “принимает окончательное решение, а до такого решения рассмотрение дела откладывается”⁵, констатируют несовершенство законов и подзаконных актов и акцентируют внимание на их далеко не всегда правовом характере. Иными словами, они, каждый по-своему, со всей очевидностью указывают на то, что правопорядок, как и любой порядок, основывается на решении, а не на норме, так как в противном случае утратилась бы взаимосвязь между реальными общественными отношениями и их идеальной моделью в виде правовой нормы, действующей в упорядоченной среде.

Конечно, нельзя не согласиться с тем, что “верховный суд не отменяет закон, в его решениях нет такого постановления, да и по смыслу конституции любой страны он и не вправе это делать”⁶. Но именно от верховного (или конституционного) суда все игроки на правовом поле ожидают окончательного решения, одновременно абстрактного, распространяющего свое влияние на всю последующую эволюцию правовой системы (эта сторона судебного решения оказывается наиболее уязвимой перед критикой со стороны противников признания судебного прецедента в качестве источника российского права), и предельно конкретного, имеющего непосредственное значение для данной ситуации и ее участников. В результате, как признает В.Е. Чиркин, “юристам тех стран, где существует такая система, нужно постоянно следить за деятельностью судов в сфере конституционного контроля (особенно верховных судов страны, а в федерациях - и верховных судов субъектов федерации)”⁷.

Инстанцией, которой впервые удалось перевести политическую ситуацию “войны всех против всех” непосредственно в плоскость юриди-

⁵ *Чиркин В.Е.* Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М., 1998. С. 80.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 81.

ческого поля, оказалась судебная. Как констатирует А.М. Руткевич, “отношение двух лиц еще не создает правовой ситуации, но если в него вмешивается третий, то мы имеем дело с простейшим случаем социального отношения; если же вмешивающийся третий является “беспристрастным и незаинтересованным”, если его вмешательство имеет принудительный характер, то это - простейшая правовая ситуация”⁸. Своим решением архаичный судья путем упорядочивания примитивных общественных отношений впервые создает гомогенную среду, в которой только и может существовать право, т.е. через посредство решения конкретной конфликтной ситуации актуализирует имманентные структуре общественных отношений начала справедливости и запускает в действие правовой механизм.

Занимая, по возможности, равноудаленную от конфликтующих сторон позицию, “вмешивающийся третий” играет одновременно роли Арбитра и Законодателя при молчаливом согласии на то участников спора. “Пока с другим соотносятся как с врагом, существуют политические отношения, для которых нет “третьего”, нет ни законодателя, ни судьи”⁹, - полагает А. Кожев. Но со временем фигура Судьи начинает отождествляться в массовом сознании с чисто технической, рутинной работой почти механического приложения созданных Законодателем норм позитивного права к частным бытовым ситуациям, напоминая о своем прежнем значении лишь в исключительных случаях, таких, к примеру, как решение вопроса о соответствии конституции какого-либо правового акта или участие в процедуре отрешения главы государства от должности. Особое значение в этом процессе имела как раз идеология Просвещения, один из носителей которой, Д. Дидро, заметил, что “не следует печатать приговоры судов”, поскольку они “надолго могут стать силой, противодействующей авторитету закона”¹⁰.

Эволюционируя, данная идеология постепенно переходит от предпринятой Ш.-Л. Монтескье попытки обнаружения в отдельных, особенных политических и правовых явлениях сущности права как системы общественных отношений, потенциально имеющих правовой характер и несущих разумное начало, к его конкретному содержанию

(Д. Дидро), а затем и к форме (Ж.-Ж. Руссо). При этом проблематика единства сущности, содержания и формы права остается общей для всех просветителей, по-разному ставящих акценты в концепции законодательной политики учредительной власти. Объединяющим началом для них в процессе постижения права выступает идея свободы человека. Будучи неотъемлемым элементом его социальной природы как субъекта права, т.е. изначально возможной, подлинная свобода оказывается действительной через посредство законотворчества как разумной и свободной деятельности. “Необходимы, следовательно, соглашения и законы, чтобы объединить права и обязанности и вернуть справедливость к ее предмету”¹¹, - заключает Ж.-Ж. Руссо.

В результате ряда интеллектуальных операций глубинная взаимосвязь сущности, содержания и формы политического права очищается от случайных элементов. С этих позиций сущность права определяется как добровольное согласие индивидуальной воли с “общей”, находящей нормативное выражение в законе. Таким путем обеспечивается возможность индивида сохранять в социуме свою идентичность, оставаясь законодателем самому себе и для себя и не умаляя свободы другого. Продуктивная мысль, заявленная Просвещением и переосмысленная спустя два с лишним столетия современной политической наукой. Как замечает уже Ю. Хабермас, “закон тогда имеет силу в моральном смысле, когда он может быть принят всеми в перспективе каждого”¹².

Индивидуальная политическая свобода, понимаемая просветителями как правовая и нравственная категория, постигаемая только в единстве права и обязанности, ответственности человека за свои поступки как за акты свободной и разумной личности, преобразующей окружающую ее социальную реальность, наделяет право ценностью и придает ему смысл в глазах его потенциальных субъектов. Оно обретает свое подлинное значение в жизни социума, надежно защищенное от поверхностного восприятия в качестве инструмента в руках государства или господствующих классов, механически регулирующего социальные отношения. Как известно, этот взгляд

⁸ Руткевич А.М. Философия права А. Кожева // Вопр. философии. 2002. № 12. С. 144.

⁹ Цит. по: Руткевич А.М. Указ. соч. С. 145.

¹⁰ Дидро Д. Указ. соч. С. 446.

¹¹ Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права // Об Общественном договоре: Трактаты. М., 2000. С. 227.

¹² Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 95.

был распространен в отечественной науке советского периода, выросшей на почве вульгарного марксизма и революционных доктрин начала XX в. Переходя от конкретному к абстрактному, а затем снова возвращаясь к конкретному, Законодатель, согласно мыслителям Просвещения, должен сохранить смысл и ценность права как юридической формы индивидуальной политической свободы, не утратив подлинно живого характера его бытия.

Постановке вопроса о свободе субъекта права и учредительной власти корреспондирует проблема формирования правосознания свободной личности. Ее решение лежит в плоскости апофатической системы координат правового бытия, когда нравственное воспитание человека как личности и становление его как субъекта права оказывается возможным через посредство отрицания им сферы не-права, не-справедливости, не-свободы, представляющих собой, по сути, только произвол и волю всех вместо “общей воли”. Правосознание формируется путем познания правовой реальности, осознания ее основ и их критического осмысления на предмет действительного соответствия этих основ объективным требованиям самой “природы вещей”, что, в конечном счете, обуславливает возникновение общественного идеала, оказавшегося в центре внимания отечественных философов права в период между революциями 1905 и 1917 гг.¹³

В процессе формирования правосознания и общественного идеала Законодатель, по мысли просветителей, призван выполнять воспитательные функции, адаптируя человека к социальной жизни и подготавливая к активной осмысленной деятельности в качестве гражданина, совместно с другими определяющего судьбу общественно-политического организма. “Тот, кто берет на себя смелость дать установления какому-либо народу, должен чувствовать себя способным изменить, так сказать, человеческую природу”¹⁴, - полагает Ж.-Ж. Руссо. На его взгляд, Законодатель превращает отдельного индивида, представляющего собой замкнутое и изолированное целое, в часть более крупного образования, а на место физического и самостоятельного существования он ставит частичное и моральное. Именно о подобном Законодателе просветитель

¹³ См., например: *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991.

¹⁴ *Руссо Ж.-Ж.* Об Общественном договоре... С. 230.

размышляет как в “Об Общественном договоре”, так и в “Соображениях об образе правления в Польше”, обращая внимание на то, что Моисей, Ликург или Нума предварительно “создали нацию как единый организм”¹⁵.

Взаимосвязь и взаимообусловленность процесса познания социальной реальности, ее осознания и деятельности по ее творческому преобразованию наполняют законотворческий процесс конкретным содержанием, придавая ему не только абстрактно-логический, но и конкретно-исторический характер. Вместе с тем возможность активного участия в нем каждого индивида как носителя индивидуальной и “общей воли”, как сформировавшейся личности и субъекта права позволяет снять проблему противоречия между субъективным и объективным в праве, между свободой и необходимостью, устанавливая между ними диалектическое соотношение. В итоге истинным Законодателем - субъектом первоначальной учредительной власти в философско-правовом смысле становится народ как подлинный носитель суверенитета, принимающий решения в сфере политического и правового бытия и способный нести за них ответственность. Отсюда берут свое начало получившие распространение в конституционном праве преамбулы Основных законов, начинающиеся, как, скажем, Конституция РФ 1993 г., со слов о народе.

Вывод о правовой природе суверенитета, сделанный просветителями, предполагает восприятие человеческой природы в единстве способа бытия, преодолевающего многообразие различных преходящих форм бытия человека, что возможно только при условии предварительной редукции к собственно человеческому в человеке, к его свободной воле и совести, отличающей его от иных мыслящих существ. Данная картезианская редукция, возведенная Просвещением на новый качественный уровень, определяет историческое предназначение человека, обозначая его как свободного творца собственной судьбы, устанавливающего через посредство законотворчества начала свободы в социальных отношениях, и отвечает на вопрос об источнике права не в строго юридическом, формальном смысле слова, а в генетическом. На место Бога - “архитектора” (Декарт) социального бытия секуляризованная мысль XVIII в. ставит человека, требуя ос-

¹⁵ *Руссо Ж.-Ж.* Соображения об образе правления в Польше // Трактаты. М., 1969. С. 461.

вобождения его стремящейся к самотрансценденции энергии и в то же время предвидя, какие проблемы могут последовать за этим освобождением.

Таким образом, методология французских просветителей, применяемая с целью познания социальной реальности, позволяет обнаружить взаимосвязь политической и правовой онтологии, гносеологии и аксиологии, связывая метафизическую философию политики и права с позитивистской социологией, одним из предшественников которой следует, с определенными оговорками, признать Ш.-Л. Монтескье. Последний, по мнению Г.Д. Гурвича, “расширяет базу исследований Аристотеля и ставит проблему взаимоотношения социологии права с другими отраслями социологии (особенно с социальной экологией, которая изучает масштабы общества, конфигурацию почвы, географические характеристики и т.д. в аспекте их воздействия на плотность населения)”¹⁶.

Осмысление просветителями конструкта субъекта учредительной власти, включающее в

себя определение природы субъекта права и законотворчества, обнаружение имманентных политике и праву смысла, ценности и установление соотношения между ними, выявляет структуру позитивного, т.е. создаваемого или санкционируемого государством, права, открывая возможности для их феноменологического исследования. В современной России, где отдельные попытки такого исследования уже имели место¹⁷, необходимо предпринять глубокий и ответственный научный анализ узловых, кризисных моментов в истории ее государства и права (революции, реформы, дворцовые перевороты, контрреволюции и контрреформы), отправной точкой для которого станет конструкт учредительной власти, расположенной на стыке политического и правового полей. В то же время изложенные соображения позволяют заявить о своевременности структуралистских исследований юридической материи, в которые органически входит проблематика правосознания субъекта.

Поступила в редакцию 02.03.2009 г.

¹⁶ Гурвич Г.Д. Социология права // Философия и социология права: Избр. соч. СПб., 2004. С. 619.

¹⁷ См., например: Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999; Магун А. Отрицательная революция: К деконструкции политического субъекта. СПб., 2008.

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

© 2009 Е.Г. Харитонова
Коллегия адвокатов № 1 г. Самары

Анализируются теоретические проблемы определения категории “структурные связи публичного права”, влияние природы публичного права на систему структурных связей данного явления.

Анализ современной правовой литературы позволяет констатировать тот факт, что понятие структурных связей публичного права фактически не исследовано. Как таковое определение структурных связей редко встречается в работах теоретиков, вместе с тем довольно часто употребляются термины “система”, “элементы структуры” и т.д.

Обращаясь к теоретическому анализу проблем структурных связей публичного права, полагаем необходимым рассмотреть обозначенную тему не только посредством правового подхода к исследованию, но и через призму философии, поскольку рассматриваемая категория включает в себя два понятия: “структурные связи” - более характерное для философского восприятия и “публичное право” - сформировавшуюся категорию российского законодательства. То есть постараемся объединить эти, казалось бы, разнородные представления в их совокупности.

Для подробного анализа обозначенной проблемы необходимо выяснить прежде все, что включает в себя определение “структурные связи”, возможно ли отождествлять определение “структурные связи” с понятиями “система”, “юридическая конструкция”, насколько характерно употребление указанных терминов для правовой культуры. Далее провести анализ понятия “публичное право”: что это - система права или отрасль права, а следовательно, разобраться, характерно ли употребление понятия “структурные связи” в системе либо отрасли “публичное право”.

С философской точки зрения, “структура (от лат. *Struktura* - строение, расположение, порядок), совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение его основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях...

Существующая роль структурных связей и отношений приводит к тому, что в целом ряде научных задач изучение структуры выступает в качестве глобальной проблемы. Нередко это дает повод неправомерно противопоставлять структуру объекта иным его характеристикам и, т. о.,

фактически абсолютизировать односторонний подход к объекту”¹.

С логической точки зрения, «структура (от лат. *Struktura* - строение, связь) - прочная, относительно устойчивая связь (отношение) и взаимодействие элементов, сторон, частей предмета, явления, процесса как целого. Знание структуры облегчает изучение элементов, входящих в целое, поскольку элементы находятся в зависимости от структуры целостного образования. До поры до времени изменение элементов целого не сказывается на структуре, но затем, когда количественные изменения перейдут в качественные, структура предмета, явления скачкообразно изменяется.

Если трактовать “структуру” как философскую категорию, то ее естественно трактовать как модификацию “внутренней формы” в учении Гегеля и как составляющую вместе с “составом” категорию “содержание”, где последняя соотносится с “формой” в смысле “внешней формы”»².

Считаем также необходимым разобраться, что же представляет собой определение “система”, потому как оно более характерно для правового применения, нежели редко употребляемое определение структурных связей в области публичного права.

Итак, “система (от греч. *συστημα* - целое, составленное из частей, соединение), совокупность элементов, находящихся в отношениях и связанных друг с другом, которая образует определенную целостность, единство... При определении понятия Система необходимо учитывать теснейшую взаимосвязь его с понятием целостности структуры, связи, элемента, отношения, подсистемы и др.”³.

Проецируя вышеуказанные определения на правовые исследования, хотелось бы привести интересное мнение С.С. Алексеева о том, что право выступает как форма, имеющая свою материю права, “выраженную главным образом в его структурных характеристиках. И отсюда же сле-

¹ Философский энциклопедический словарь / С.С. Аверинцев и др. М., 1989. С. 629-630.

² Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1991. С. 500.

³ Философский энциклопедический словарь. С. 629-630.

дует, что сила права как формы - это сила собственной материи права, когда право слито с ее внутренней организацией, структурой⁴.

В другой работе С.С. Алексеев характеризует структуру права как “набор элементов” - правовых норм, институтов права, отраслей права, под эгидой “глобальной” структуры - публичного и частного права, т.е. того, что в юридической науке, хотя и недостаточно корректно с философской стороны, называется “системой права”⁵. “Право каждой страны, будучи единственным по своему содержанию, вместе с тем характеризуется внутренней расчлененностью, дифференциацией на относительно автономные и в то же время связанные между собой части - нормативные положения (нормы), институты, отрасли, которые образуют в свою очередь ассоциации, группы, объединения, и кроме того могут проявляться во вторичных структурах... В праве есть и глубинные элементы, находящиеся в недрах правовой ткани. Это - дозволения, запреты, а также позитивные обязывания, которые вместе с принципами права и началами законности связывают содержание права с его экономическими, идейно-нравственными, духовными основаниями...”⁶.

С.С. Алексеев в своих трудах дает определение понятию “юридические конструкции” в системе права, которые представляют собой органический, всеобщий, непосредственно нормативный, а главное - наиболее важный по значению элемент собственного содержания права, его внутренней формы. “Именно “юридические конструкции” образуют центральное звено (основу, стержень) материи права, достигшей необходимого уровня развития, совершенства, а их отработанность есть показатель совершенства законодательства”⁷.

Помимо прочего, С.С. Алексеев указывает на такой элемент правовой системы, как “институты” - “образованные” и “опредмеченные” социальные явления, которые в результате отчуждения обрели собственное бытие и воплощены во внешне очерченные, структурно определенные, твердые и устойчивые формы существования и функционирования, к числу которых относятся государство, религиозные учреждения, самодеятельные организации, организации самоуправления⁸.

⁴ Алексеев С.С. Тайна права: его понимание, назначение, социальная ценность. М., 2001. С. 15.

⁵ Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. С. 110.

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Алексеев С.С. Тайна права... С. 45.

⁸ Там же. С. 11.

Н.Н. Тарасов в своих работах также приходит к выводу о том, что юридические конструкции “впечатаны в ткань позитивного права... которые можно рассматривать как его первооснову, а их систему - как несущую конструкцию позитивного права... они могут рассматриваться как наиболее стабильные единицы права”⁹.

С точки зрения других специалистов в области теории права, систему права характеризуют базовые правовые категории, из которых складывается основной понятийный ряд. Причем одни категории могут обладать большим значением, другие - меньшим, в зависимости от природы, характера и особенностей, обозначаемых данным понятием явлений, а также самой специфики рассматриваемой области права¹⁰. Такими категориями права являются “объект права”, “субъект права”, “метод правового регулирования”, иногда “функции и задачи”¹¹.

Согласно мнению Л.П. Ануфриевой, “качественную характеристику системы представляют механизмы, обеспечивающие вхождение в нее и дальнейшее участие в ее функционировании разрозненных компонентов... Ключевым свойством системы выступает наличие между частями, составляющими систему, взаимных связей и взаимодействия”¹².

Академик В.Г. Афанасьев определяет так целостную систему: “Между элементами множества, образующего систему, устанавливаются определенные отношения и связи. Благодаря им, набор элементов превращается в связанное целое, где каждый элемент оказывается, в конечном счете, связанным со всеми другими элементами, и его свойства не могут быть поняты без учета этой связи. В свою очередь свойства системы оказываются не просто суммой свойств составляющих ее отдельных элементов, т.е. конструируются как интегративные свойства системы целого. Наличие связей и отношений между элементами системы и порождаемые интегративные, целостные свойства системы обеспечивают относительно самостоятельное, обособленное

⁹ Тарасов Н.Н. Юридические конструкции в праве и научном исследовании // Рос. юрид. журн. 2000. № 3. С. 35.

¹⁰ Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: Сравнительное исследование правовых категорий: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 51.

¹¹ Там же. С. 52.

¹² Там же. С. 205.

существование, функционирование (а в некоторых случаях и развитие) системы”¹³.

Между тем Н.Н. Алексеев, отрицая наличие устойчивых понятийных рядов в структуре права, указывает, что для уяснения сущности воззрения на многомерную природу права нужно вообще покинуть почву определений. Взамен определений следует дать описание правовой структуры в ее основных данностях¹⁴. Наиболее глубоким элементом этой структуры, по мнению автора, является то, что можно назвать “субъектом” или носителем обнаруживающихся в праве ценностей. Любые правомочия и правообязанности, поскольку они являются не мертвыми понятиями, но деятельностями, в конце концов опираются на такого деятеля, субъекта. Идея его лежит во всяком правопорядке, составляя один из необходимых элементов структуры права. Вторым элементом этой структуры, по мнению автора, являются сами обнаруживающиеся в праве ценности¹⁵. Наконец, третьим элементом правовой структуры необходимо считать те основные определения, которыми характеризуется особое, специфическое, правовое отношение ценностей, как между собою, так и к их носителям¹⁶.

Таким образом, сделаем промежуточный вывод в обозначенной проблематике в той части, что сама система состоит из структурных связей, которые наполняют ее, но не всегда являются устойчивыми, а подвержены объективным факторам воздействия.

“Структура есть система отношений между элементами. Система предполагает структурную организацию входящих в нее элементов, что делает объект единым и целостным... Структуры не являются ни реальными, ни воображаемыми... представляет собой инвариант, охватывающий множество сходных или различных явлений-вариантов”¹⁷.

Вместе с тем, думается, что “структурные связи” и “систему” нельзя отождествлять с определением “юридические конструкции”, потому как последние обладают нормативностью, являющейся единицей (структурной связью) в системе права.

¹³ *Афанасьев В.Г.* Системность и общество. М., 1980. С. 24.

¹⁴ *Алексеев Н.Н.* Основы философии права. СПб., 1999. С. 73.

¹⁵ Там же. С. 74.

¹⁶ Там же. С. 75.

¹⁷ *Ивин А.А.* Философия: Энцикл. слов. М., 2006. С. 830.

Далее перейдем к анализу структурных связей непосредственно публичного права. Обозначенная задача не является простой, так как в теоретическом плане встречаются противоречия в определении понятия “публичное право”. Одни авторы приходят к однозначному мнению, что публичное право есть совокупность отраслей права, в то время как другие настаивают на том, что публичное право и есть отрасль права. Считаем данный вопрос принципиальным в связи с тем, что отрасль, являющаяся составной частью публичного права, может быть признана структурной связью в устойчивой категории.

Итак, начнем анализ определений и мнений.

Если обратиться к истокам зарождения определения публичного права, то заметим, что еще древние римляне разделяли отношения на частные и публичные в зависимости от складывающихся интересов, т.е. интересов отдельных лиц либо интересов целого народа. Нормативная система древнего Рима включала в себя правила нормообразования, религиозные порядки, ритуалы, режим деятельности органов управления, формы судебной защиты правомерных притязаний, принципы отношений с иностранцами, правила перемены статуса лиц, нормы определения римского гражданства и заключения брака¹⁸.

В начале прошлого столетия ряд авторов склонялись к мнению о том, что деление отношений на частные и публичные совершенно не носит никакого смысла, а границы между разного рода правовыми отношениями не являются устойчивыми, часто изменяются. Но на фоне отрицания деления интересов на частные и публичные теоретики права предлагали разделять категории по способам и приемам их регулирования, методу перечисления, содержанию правоотношений и касающихся их норм права, а также специфики регулируемых общественных отношений.

Так, К.Д. Кавелин утверждал: “Мы думаем и твердо уверены, что сопоставление и противопоставление публичного и частного, государственного и частного, не может и не должно служить основанием для разграничения прав и юридических отношений, публичных от гражданских, потому, что нет такого юридического явления, которое бы не имело в одно и то же время и публичного, и частного характера”¹⁹.

¹⁸ *Дождев Д.В.* Римское частное право. М., 1997. С. 1.

¹⁹ *Кавелин К.Д.* Что есть гражданское право и где его пределы // Собр. соч. М., 1900. Т. IV. С. 847.

Высказывая противоположное мнение, Е.В. Спекторовский в своих работах указывал на необходимость разделения категорий права на системы. «Все юридические нормы и отношения обыкновенно распределяются по двум категориям права частного и публичного. Такое различие и даже противоположность имеет не только классификационное значение, но также и принципиальное. Это различие двух юридических систем... Система публичного права основана отчасти на римской концепции власти, отчасти же и, главным образом, на принципах того суверенного, абсолютного государства, которое возникло на развалинах средневековой безгосударственности»²⁰.

Между тем в современной теории права практически утвердилась точка зрения, что деление права на публичное и частное произошло. Однако и в настоящее время не сложилось однозначного мнения теоретиков о том, что есть публичное право: система, отрасль, категория... Вот в этом то и кроется проблема структурных связей публичного права: если до сих пор не умолкают споры о том, что есть публичное право, то тем более сложнее определить, что является составной частью, наполнением, структурными связями публичного права.

Согласно определению, изложенному в «Российской юридической энциклопедии» «публичное право (лат. *jus publicum*) - та часть системы действующего права, нормы которого направлены на защиту общего блага, связаны с полномочиями и организационно-властной деятельностью государства, с выполнением общественных целей и задач... публичное право включает в себя отрасли права, как конституционное (государственное), административное, финансовое, уголовное, уголовно-исполнительное, международное публичное, процессуальные отрасли»²¹.

Характерно и следующее утверждение о том, что публичное право является частью системы, однако какой именно частью до настоящего времени остается нерешенным. По мнению М.А. Хвалёвой, «как отмечается в новейших публикациях, при выделении структурных элементов права (норма, отрасль и подотрасль, институт и субинститут) оно не всегда учитывается, выступает скорее как побочная характеристика...»²².

²⁰ Спекторовский Е.В. Пособие к лекциям по энциклопедии права. Вып. 1. Киев, 1917. С. 91-92.

²¹ Сухарев А.Я. Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 838.

²² Хвалёва М.А. Метод публичного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 112.

Далее автор указывает, что в целом системное строение публичного права раскрывается скорее интуитивно, путем простого перечисления элементов, объединенных достаточно произвольно. «Подход, основанный на перечислении неких отраслей публичного права, страдает весьма существенным недостатком, на который традиционно обращается внимание в теории. Любая отрасль права и любая норма включает в себя в той или иной степени и момент «публичный» и момент «частный»»²³.

Между тем Ю.А. Тихомиров, анализируя структуру публичного права, начинает именно с *совокупности отраслей*, включаемых в состав публичного права, выделяя при этом публичные отрасли, публичные отрасли законодательства, отрасли законодательства публичной направленности, элементы публичного в частном праве. «Приведенный перечень отраслей законодательства не является застывшим и неизменным, он может и будет изменяться. Одни отрасли и подотрасли будут дифференцироваться, отпочковываться, другие - объединяться, третьи - появляться, отвечая новым общественным потребностям. Одновременно идет процесс формирования и изменения отраслей публичного права»²⁴.

Сторонником определения понятия публичного права как совокупности отраслей права является и С.С. Алексеев, который в своих многочисленных работах неоднократно указывал, что «публичное право - сфера общих, государственных интересов (институты государственной службы, уголовного права, организации суда, государственного аппарата, налогов, таможни, сан. контроля и т.д.), т.е. такие отрасли, как государственное право, административное право, уголовное право и др. Здесь юридический приоритет имеет воля органов государственной власти, регулирование централизованное строится на началах субординации, т.е. по принципу «власть - подчинение» дисциплины, ответственности нижестоящего лица перед вышестоящим»²⁵.

Противоположна вышеуказанным мнениям о том, что публичное право есть совокупность отраслей права, точка зрения М.А. Хвалёвой, согласно которой сама постановка проблемы вызвана неверной оценкой природы публичного и ча-

²³ Хвалёва М.А. Указ. соч. С. 115.

²⁴ Тихомиров Ю.А. Публичное право: Учебник. М., 1995. С. 40.

²⁵ Алексеев С.С. Теория права. С. 108.

стного права. «Они представляют собой не некую сумму отраслей, а специфическую форму правового отражения существующих общественных отношений. В этой связи, представляется верным подход тех авторов, которые рассматривают *публичное* и частное права *в качестве отраслей права*»²⁶. Также автор полагает, что границы между публичным и частным правом размыты, точно не определены, а сами по себе указанные отрасли проникают друг в друга. «Как уже отмечалось, публичное и частное право обладают всеми свойствами отрасли права, поэтому, думается, что их необходимо рассматривать именно в таком ключе. Кроме того, такой подход фактически снимает проблему установления границ между данными отраслями. Они подвижны, но проходят достаточно четко в каждый конкретный исторический период. Говоря о взаимном проникновении частного и публичного права, речь идет о том, что в нормативных актах присутствуют одновременно нормы обеих отраслей... Следующим по объему за отраслью права подразделением права являются подотрасли, которые составляют части отрасли регулирующие, как и отрасли, однородные отношения при помощи однородного метода...»²⁷.

Полагаем, что М.А. Хвалёва предлагает считать подотраслью публичного права то, что другие авторы считают отраслью.

Таким образом, мы видим, что противоречивые теоретические исследования в данной области не прекращаются со времен формирования римского права. Каждое мнение, без сомнения, заслуживает уважения, однако противоречи-

вость взглядов порождает проблемы формирования устойчивых структурных связей публичного права.

Думается, что проблемы формирования структурных связей порождаются и благодаря тому, что динамика развития правового регулирования не в полной мере, нестабильно охватывает публичные интересы. Согласно мнению Ю.А. Тихомирова, одна из проблем заключается в отсутствии общей стратегии развития правовой сферы и слабой связи между ее отдельными элементами. «Одним из путей решения данной проблемы, безусловно, является дальнейшее всестороннее развитие теории отечественной правовой системы... Для правовой системы характерен сложный и противоречивый процесс развития. Ее формирование происходит постоянно, поскольку отдельные элементы то устаревают и требуют обновления, то меняют свой характер и внутренние связи. Функционирование, действие правовой системы также происходит непрерывно, что вызывается потребностями общества и государства в правовом регулировании. Причем и тот и другой процессы проявляют себя двояким образом...»²⁸.

На наш взгляд, публичное право включает в себя совокупность структурных связей, являющихся элементами правовой системы. Однако процесс формирования устойчивости структурных связей является длительным и сложным в связи с тем, что подвергнут внешним и внутренним процессам воздействия, историческим переменам и иным факторам, порой опережающим события нашего непредсказуемого бытия...

Поступила в редакцию 05.03.2009 г.

²⁶ Хвалёва М.А. Указ. соч. С. 116.

²⁷ Там же. С. 119.

²⁸ Тихомиров Ю.А. Правовая сфера общества и правовая система // Журн. рос. права. 1998. № 4-5.

О ФОРМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ К ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦАМ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ

© 2009 А.В. Азархин

Самарский государственный экономический университет

Анализируется сущность и значение права на обращение военнослужащих к должностным лицам воинской части в механизме защиты прав человека в Вооруженных силах РФ. Раскрываются формы обращений, обосновывается необходимость исключения специальной формы обращения - рапорта - как несоответствующей по своим правовым целям и содержанию задачам реализации военнослужащими права на защиту своих прав, свобод и законных интересов.

Проблема реализации военнослужащими конституционного права на обращение в органы публичной власти и к должностным лицам (ст. 33 Конституции РФ) имеет особую значимость. Ситуация с соблюдением прав человека в Вооруженных силах РФ на протяжении всего постсоветского периода развития российской государственности свидетельствует о необходимости всемерного совершенствования механизмов защиты военнослужащими своих прав, свобод и законных интересов.

Среди механизмов защиты прав человека основную роль играет судебная система. Правом на обращение в суд за защитой своих прав военнослужащие пользуются наравне с другими гражданами России. Помимо судебного порядка защиты, законодательством предусмотрены и иные способы защиты прав военнослужащих, реализуемые посредством подачи обращения. Так, в порядке, установленном гл. 6 Дисциплинарного устава Вооруженных сил Российской Федерации¹, военнослужащий вправе подать жалобу о совершенных в отношении него незаконных действиях (бездействии) командиров (начальников) или других военнослужащих, нарушающих его субъективные права или законные интересы, непосредственно начальнику того лица, действия которого обжалуются, либо по команде. Жалобы на действия и решения органов военного управления и должностных лиц воинской части могут подаваться и в органы военной прокуратуры. В условиях военной службы указанный способ защиты позволяет ре-

шать вопросы восстановления нарушенных прав военнослужащих и привлечения виновных к ответственности более оперативно и с наименьшими издержками как для самих военнослужащих, так и для интересов Вооруженных сил в целом.

Посредством подачи обращения в органы публичной власти, а также воинским должностным лицам военнослужащий стремится обеспечить защиту своего права, свободы, законного интереса. Право на подачу обращения является абсолютным, неограниченным и неотчуждаемым правом личности². Для реализации этого права любым лицом, в том числе и военнослужащим как специальным субъектом права, не нужно чье-либо согласие и тем более издания актов управления. Данное правомочие не ограничивается и по содержанию, т.е. предметом обращения, в частности жалобы, могут быть любые решения, действия (бездействие) органов военного управления и воинских должностных лиц. Причем такие решения, действия (бездействие) должны восприниматься военнослужащим как нарушение или угроза нарушения прав, свобод и законных интересов; установление же действительности нарушения или угрозы таковой входит в обязанность компетентных органов.

Основным нормативным актом, регулирующим порядок рассмотрения обращений граждан, является Федеральный закон "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ³. В соответствии с данным законом приказом министра обороны РФ⁴ была утверждена Инструкция по рабо-

¹ Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных сил Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 нояб. 2007 г. № 1495 (вместе с "Уставом внутренней службы Вооруженных сил Российской Федерации", "Дисциплинарным уставом Вооруженных сил Российской Федерации", "Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных сил Российской Федерации") // Собр. законодательства РФ. 2007. № 47 (ч. 1). Ст. 5749.

² См.: *Бородин И.А.* О праве граждан на обращения в защиту своих прав и свобод // Воен.-юр. журн. 2007. № 8.

³ Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

⁴ Об утверждении Инструкции по работе с обращениями граждан в Вооруженных силах Российской Федерации: Приказ министра обороны РФ от 28 дек. 2006 г. № 500 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. 2007. № 12.

те с обращениями граждан в Вооруженных силах Российской Федерации. Общий порядок реализации права военнослужащих на обращение в органы публичной власти и к должностным лицам регулируется Дисциплинарным уставом Вооруженных сил Российской Федерации.

Безусловно, определяющую роль в реализации и защите прав, свобод и законных интересов военнослужащих непосредственно в войсковых частях и подразделениях играют соответствующие командиры (начальники). К основным направлениям их деятельности по обеспечению защиты прав подчиненных относятся, в частности, организация работы по разрешению жалоб и заявлений военнослужащих, осуществление контроля за исполнением законодательства о социальной и правовой защите военнослужащих. Командиры (начальники) «несут личную ответственность за все стороны жизни вверенных им частей и подразделений, за материальное, медицинское, финансовое, социально-правовое и бытовое обеспечение. Они обязаны принимать меры к решению бытовых вопросов и обеспечению правовой и социальной защиты подчиненных, создавать условия для их культурного роста и отдыха, укрепления здоровья и физического развития, при необходимости ходатайствовать за них перед вышестоящими начальниками»⁵. В силу сказанного именно воинские должностные лица зачастую являются «первой инстанцией», куда обращается военнослужащий за защитой своих нарушенных прав.

В соответствии со ст. 106 Дисциплинарного устава Вооруженных сил Российской Федерации письменные обращения, направляемые военнослужащими должностным лицам воинской части, должны излагаться в форме рапорта. Однако в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», действие которого распространяется в том числе и на военнослужащих, не упоминается о такой форме обращения. Статья 4 Закона предусматривает только три вида обращений - предложение, заявление и жалобу:

- предложение - рекомендация гражданина по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов, деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, развитию общественных отношений, улучшению со-

⁵ Байков Е.Е. Социально-правовая защита подчиненных - важнейшая забота командира // Закон и армия. 2005. № 5.

циально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества;

- заявление - просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц;

- жалоба - просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц.

Жалоба играет первостепенную роль во всей системе основных прав и свобод человека и гражданина, выступает гарантией их реализации, так как в случае их нарушения позволяет обратиться за защитой и восстановлением нарушенных прав и свобод в компетентные органы. Понятие рапорта, в форме которого реализуется право жалобы в Вооруженных силах РФ, ни названный Федеральный закон, ни другие нормативные правовые акты Российской Федерации (в том числе федеральные законы «О статусе военнослужащих»⁶ и «О воинской обязанности и военной службе»⁷) не содержат. Кроме краткого упоминания в п. 25 Инструкции по делопроизводству в Вооруженных силах Российской Федерации, утвержденной Приказом министра обороны РФ от 23 мая 1999 г. № 170⁸, что письменный рапорт является служебным документом, иных признаков рапорта в действующем законодательстве обнаружить не удалось.

Как отмечается в словаре В.И. Даля, данный термин, имеющий французское происхождение (rapport), означает «доносить, докладывать по начальству»⁹. В современной справочной литературе рапорт определяется как «служебное сообщение, донесение младшего по званию старшему военному начальнику; доклад, сообщение

⁶ О статусе военнослужащих: Федер. закон от 27 мая 2007 г. № 76-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

⁷ О воинской обязанности и военной службе: Федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

⁸ Документ опубликован не был. См. СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка: В 4 т. М., 1995. Т. 4. С. 59.

о выполнении взятых на себя обязательств”¹⁰. В отраслевых словарях под рапортом понимается “устный или письменный доклад по предусмотренной уставом форме при обращении военнослужащего к начальнику по различным вопросам служебной деятельности”¹¹.

Как видно, ни одно из определений не содержит указания на рапорт как просьбу лица о восстановлении или защите каких-либо прав, свобод, законных интересов. Р.А. Троценко приходит к выводу о том, что “заявления (предложения, жалобы) как виды обращений не могут являться рапортами по определению, равно как и наоборот, поскольку принципиально отличаются по своим правовым целям и содержанию”¹².

С этим мнением следует полностью согласиться. Рапорт - это исключительно служебный документ. В такой форме уместно докладывать о любого рода делах, связанных с несением военной службы. Само существо рапорта отвечает традиционно сложившимся в Вооруженных силах отношениям субординации и подчинения по службе. В случаях нарушения прав, свобод или законных интересов военнослужащих или угрозы таковых речь идет о реализации военнослужащими своего конституционного права на правовую защиту.

Право военнослужащих на правовую защиту вытекает из основополагающего значения прав человека в российском правовом порядке. Действующей Конституцией Российской Федерации права и свободы человека провозглашены высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита закреплены в качестве обязанности государства (ст. 2, ч. 1 ст. 45). В свою очередь, этой обязанности корреспондирует право каждого требовать от государства в лице его органов и должностных лиц защиты своих прав и свобод. Согласно Основному закону страны каждому предоставлено право защищать свои интересы всеми не запрещенными законом способами (ч. 2 ст. 45).

Таким образом, Конституцией РФ устанавливается право каждого на защиту своих прав и свобод. Данное право является важным и для других отраслей права, в частности, военного права. Конституционное признание права на за-

щите за каждым человеком (и военнослужащие не являются здесь исключением, несмотря на их особый правовой статус) возлагает на государство соответствующие обязательства по созданию необходимых условий осуществления данного права.

Считается, что “подача военнослужащим заявления, скорее всего, вызовет непонимание у армейского начальства... Получить вразумительное объяснение от возмущающегося начальника, кроме банального: “Военнослужащие заявления не пишут, а пишут рапорты...”, вряд ли удастся”¹³. Аналогичной, вероятно, будет реакция на жалобу или предложение военнослужащего. Однако, с точки зрения действующего законодательства, данная реакция не имеет под собой оснований. Пункт 2 ст. 1 Федерального закона “О статусе военнослужащих” закрепляет, что “военнослужащие обладают правами и свободами человека и гражданина с некоторыми ограничениями, установленными настоящим Федеральным законом, федеральными конституционными законами и федеральными законами”, и далее по тексту устанавливает конкретные ограничения военнослужащих в конституционных правах и свободах. Цель данных ограничений - создание условий, необходимых для надлежащей защиты специфическими средствами, которыми обладают Вооруженные силы РФ, тех конституционных ценностей, на которые указывается в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а именно: основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Право военнослужащих на правовую защиту имеет абсолютный характер. Единственным ограничением является запрет подачи обращения во время несения боевого дежурства (боевой службы), при нахождении в строю (за исключением обращений, подаваемых на опросе военнослужащих), в карауле, на вахте, а также в другом наряде и на занятиях (ст. 110 Дисциплинарного устава Вооруженных сил Российской Федерации).

Данное ограничение обусловлено теми задачами, которые возлагаются на Вооруженные силы государства. Оборона страны и безопасность государства, безусловно, являются той сферой общественных отношений, в которой варианты юридически дозволенного поведения личности не могут быть регулируемыми только достаточно

¹⁰ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1989. С. 655.

¹¹ Толковый словарь военных терминов / Под ред. П.И. Скуйбеда. М., 1968. С. 389.

¹² Троценко Р.А. Рапорт или заявление - к вопросу о видах обращений военнослужащих // Право в Вооруженных силах. 2008. № 9.

¹³ Троценко Р.А. Указ. соч.

общими конституционными положениями. Задачи государственной важности, решаемые в условиях военной службы, объективно требуют ограничения определенных прав военнослужащих. В данном случае, не ограничивая основополагающее право личности на правовую защиту, Дисциплинарный устав Вооруженных сил Российской Федерации ограничивает реализацию данного права посредством подачи жалобы или иного обращения в определенные периоды времени, когда военнослужащий непосредственно занят выполнением задач, связанных с обеспечением обороны и безопасности Российского государства.

Само наименование гл. 6 Дисциплинарного устава "Об обращениях (предложениях, заявлениях или жалобах)" свидетельствует в пользу того, что военнослужащий, как и любой гражданин, должен оформлять свое обращение в форме предложения, заявления или жалобы. Указание на то, что "письменные обращения, направляемые военнослужащим должностным лицам воинской части, излагаются в форме рапорта" (ч. 3 ст. 106 Устава) целесообразно исключить.

Помимо противоречия общим конституционным положениям о защите прав и свобод человека и гражданина, данное положение вызывает возражение в связи с тем, что не учитывает возможности подачи как письменного, так и устного обращения. Получается, что письменная просьба о восстановлении или защите нарушенных прав, свобод или законных интересов военнослужащего должна быть изложена в форме рапорта, а устная - в форме жалобы, что выглядит нелогично.

Военнослужащие вправе и должны подавать тот вид обращения (того наименования), который соответствует характеру его содержания. В одних случаях (связанных со служебной деятельностью, с исполнением обязанностей военной службы) необходимо обращаться к командованию с рапортом, а в других - с заявлением, предложением или жалобой.

Полагаем, что в случаях, когда военнослужащий считает, что его права, свободы или законные интересы нарушены (находятся под угрозой нарушения) действиями (бездействием) властных органов, их должностных лиц, других военнослужащих, формой обращения является жалоба. Основанием для обращения посредством составления жалобы являются нарушение или угроза нарушения прав, свобод или законных интересов военнослужащих, связанное с неправо-

мерными решениями, действиями (бездействием) органов военного управления, воинских должностных лиц или других военнослужащих. К неправомерным действиям (решениям) относятся коллегиальные и единоличные действия (решения), в том числе представление официальной информации, ставшей основанием для совершения действий (принятия решений), в результате которых нарушены права, свободы или законные интересы военнослужащего; препятствия осуществлению военнослужащим его прав, свобод или законных интересов; незаконное возложение на военнослужащего какой-либо обязанности или незаконное привлечение его к какой-либо ответственности. Военнослужащие вправе обжаловать также бездействие органов военного управления, воинских должностных лиц, под которым понимается невыполнение указанными субъектами возложенных на них в силу закона обязанностей, если оно повлекло за собой вышеуказанные последствия.

Просьбы военнослужащих о содействии в реализации их прав, свобод или законных интересов, а также сообщения о нарушениях законности в области прав человека в Вооруженных силах РФ, отдельных недостатках в работе органов военного управления или воинских должностных лиц, влекущих (могущих повлечь) нарушения прав военнослужащих, должны оформляться в форме заявления. Посредством подачи заявления реализуются такие правомочия военнослужащего, как право на критический анализ деятельности органов военного управления, право требовать содействия властных органов в реализации конкретных прав и свобод, право сообщать о ставших известными нарушениях законности, различных недостатках, недочетах и злоупотреблениях в Вооруженных силах РФ, которые являются общим препятствием реализации субъективных прав, свобод и законных интересов военнослужащих.

Предложение не связано ни с нарушением, ни с требованием о содействии в реализации прав обращающегося лица, оно направлено на внесение изменений в существующий порядок устройства государственных дел. Внося предложение, граждане не преследуют личной цели, не стремятся защитить свои права от нарушений, а пытаются воздействовать на принятие решений органами публичной власти. Предложения изучаются, обобщаются, рассматриваются соответ-

ствующими властными органами и могут учитываться при разработке законопроектов или при составлении планов и программ законопроектных работ. Поэтому данная форма обращения не может быть использована в целях защиты прав человека в Вооруженных силах РФ.

В заключение следует отметить, что внутренний, ведомственный контроль за соблюдением прав человека в Вооруженных силах РФ является, по сути дела, самоконтролем. В целом контроль осуществляется как за законностью, так и за должным исполнением служебных обязанностей воинскими должностными лицами. Априори внутриведомственный контроль характеризуется оперативностью и малозатратностью, однако, как показывает практика, такой вид контроля часто малоэффективен, прежде всего по причине корпора-

тивной солидарности воинских должностных лиц, следствием чего в ряде случаев является сокрытие фактов нарушений прав военнослужащих.

Соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью всех без исключения органов власти и должностных лиц. Тем не менее нельзя не согласиться с мнением В.С. Шевцова, полагающего, что непосредственная защита прав и свобод человека и гражданина - прерогатива тех специализированных государственных органов, чьей основной или единственной функцией является прямое рассмотрение обращений граждан и принятие по ним решений с учетом их прав и личных интересов¹⁴. Поэтому защита прав, свобод и законных интересов военнослужащих не может ограничиваться лишь административными контрольными механизмами.

Поступила в редакцию 06.03.2009 г.

¹⁴ См.: Шевцов В.С. Права человека и государство в Российской Федерации. М., 2002. С. 400.

СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ И ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ. ЯЗЫК ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОГМАТИКИ

© 2009 С.Н. Касаткин

Самарская гуманитарная академия

Данная статья имеет целью экспликацию проблемы языка в российской и западной юриспруденции, анализ возможных стратегий и способов обхождения последних по отношению к наличному (обыденному) словоупотреблению. Проявляются основания, логика и функциональная направленность правовой догматики, трактуемой как проект юридизации языка.

Проблема языка в юриспруденции

Сегодняшнюю российскую юриспруденцию можно во многом уподобить классической физике, наблюдающей за объектами (“вещами”), очевидность которых несомненна. Право мыслится здесь как данность *sui generis* с четкими границами, свойствами, функциями, закономерностями и пр., данность, по отношению к которой миссия исследователя и социального деятеля заключается в ее открытии, (достоверном) описании, (положительной) оценке и принятии, воплощении в жизнь¹. При этом за основными дискуссиями отечественной правовой теории, касающимися (правильности, достоверности и пр.) того, *что* именно видится, зачастую отсутствует вопрошание и проблематизация того, *как* такое видение возможно и возможно ли вообще. Иными словами, отсутствует дистанция по отношению к собственным концептуальным проектам и построениям, сопряженная с удержанием и дифференциацией лежащих в их основе языков, логик, целей, стратегий, с тематизацией критериев их оценки².

Развивая сказанное, следует подчеркнуть, что сама теория языка, как базис и вышеназванных “наблюдений”, и существования “наблюдаемых объектов”, не является в отечественной юриспруденции предметом актуального осмысления, а используемый здесь вариант указанной теории не выдерживает критики с позиций современной социогумани-

стики, игнорируя ее наработки³. Признание последних не позволяет (без специальных оговорок и допущений) рассматривать социальный мир (право) как систему вещей, имеющих собственную объективную сущность, границы, свойства, а язык – как совокупность закрепленных за ними знаков-указателей с фиксированным значением. Социальность здесь совместно создаваемое и воспроизводимое людьми “поле” смыслов, ценностей, норм, конструируемых и манифестируемых посредством языка, “языковых игр”, которые “встроены” в институты и практики сообщества и выступают “ключами” к их “обостренному восприятию”⁴. Примененные к социальности лингвистические единицы зачастую не имеют четких фактуальных аналогов, конституируя собственное пространство референции, а их значение состоит в способе (практике, традиции) их употребления. В этом плане само право (правовое, юридическое), постольку, поскольку мы относим его к миру социального, невозможно и непонятно вне языка; оно само есть определенная лингвистическая единица, правило и практика, определенная языковая игра⁵.

³ См., например: *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М., 1994; *Остин Дж.* Три способа пролить чернила. СПб., 2006; *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995; и др.

⁴ Ср. с позицией Дж.Л. Остина: “Разыскивая и обнаруживая определения, мы смотрим не просто на слова... но также и на те реалии, для разговора о которых мы эти слова используем. Мы используем обостренное знание слов с тем, чтобы заострить наше восприятие явлений” (*Austin J.L. A Plea for Excuses // Proceedings of Aristotelian Society. 1956-1957. Vol. 57. P. 8.*) См. развитие данной позиции у Г. Харта: *Hart H.L.A. The Concept of Law. 2nd ed. // Hart's Postscript / P. Bulloch, J. Raz (Eds). Oxford, 1994. Ch. 1* (русский перевод первого издания: *Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб., 2007. Гл. 1.*)

⁵ См. обзор применения положений философии позднего Витгенштейна в западной правовой теории: *Войничанис Е.А.* Проблема сознания в философии позднего Витгенштейна и современное правовое мышление // *Философия сознания: история и современность: Материалы науч. конф., посвящ. памяти проф. МГУ А.Ф. Грязнова (1948-2001). М., 2003.* См. также проблематизацию значимости теории языка для юриспруденции в ра-

¹ Подобная логика хорошо видна на примере отечественной теории (= идеологии и мифологии) правосознания и правового нигилизма (см., например: *Касаткин С.Н.* Юрицистическая интерпретация правосознания в современной российской юриспруденции // *Актуальные проблемы правоправедения. 2005. № 3 (12). С. 32-36.*)

² Подробнее об этом см.: *Касаткин С.Н.* Проблема единства предмета правовой теории // *Инновации в государстве и праве России. Н. Новгород, 2007. Ч. 1. С. 116-124; Он же.* Проблема не-целостности предмета юриспруденции и ее обоснование в дореволюционной российской правовой мысли // *Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2007. С. 59-61.*

В ситуации множественности, конвенциональности и зыбкости как самих социальных концептов и дискурсов, так и вырастающего на их основе понятийного аппарата социогуманитарных наук и доктрин⁶, вычленение и анализ юриспруденцией своей предметности предполагает рефлексию, спецификацию и критику словоупотребления, поиск (создание/выбор) собственного языка рассуждений о праве⁷. Юриспруденции следует занять четкую позицию в ответе на вопросы: как должны формироваться понятия в правовой теории? как (по каким критериям и принципам) должны проводиться их границы? В частности, какую роль должно здесь играть (в какой мере должно учитываться) существующее (обыденное) словоупотребление, следует ли строить теорию права, отражающую существующие языковые практики либо основывать ее на реформе или отказе от последних?

Правовая теория: описание *versus* реформа словоупотребления

Обратимся к анализу последнего из названных вопросов. В свете такой постановки проблемы возможно различие, по меньшей мере, двух ориентаций относительно наличного словоупотребления: 1) его сохранение/описание (обнаружение “естественного” языка как “ключа” к феномену правового, реализация проекта теории права как концептуального/дискурсивного анализа

боте: *Endicott T. Law and Language // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / J. Coleman, S. Shapiro (Eds.). Oxford, 2002. P. 935-968.*

⁶ Ср. с проектом социальной науки в социальном конструктивизме, понимаемой в качестве системы конструктов “второго порядка”, построенной как исследование смысловых структур повседневности, “конструктов первого порядка” (см.: *Шюц А.* Указ. соч.).

⁷ Ср.: “При выборе объекта исследования речь идет о том, на каком языке и в рамках какой парадигмы мы собираемся задавать вопросы и... получать ответы. Теоретическая сложность заключается в обосновании дискурса научной речи: о чем следует повествовать, чтобы высказываться о праве? ...Государство, как и право... не имеют очевидной предметности, указав на которую мы смогли бы засвидетельствовать их существование на уровне факта” (*Пермяков Ю.Е.* Правовые суждения. Самара, 2005. С. 100). В этой связи следует заметить, что проблема идентификации юридического (и рассмотренная под таким углом зрения проблема границ и логики предмета юриспруденции) не получила в современной российской правовой теории сколько-нибудь серьезной разработки. Среди немногих работ, посвященных этой теме, см.: *Нерсесянц В.С.* Философия права. 2-е изд. М., 2006; *Закомлистов А.Ф.* Юридическая философия. СПб., 2004; *Пермяков Ю.Е.* Философские основания юриспруденции. Самара, 2006.

социальных практик) либо 2) его реформа/переописание (конструирование “искусственной” языковой игры, творение права по избранным шаблонам, осуществление проекта теории права как усовершенствования лингвистических практик сообщества, их исправления, унификации, систематизации вплоть до создания автономной системы новояза).

Подобная проблематика получила широкую разработку в западной философии права и общей юриспруденции, наиболее “чуткой” к анализу языка.

В качестве примеров первого подхода в западной теории можно назвать концепции Герберта Л.А. Харта и Джозефа Раза. Именно Харт, которому во многом принадлежит заслуга привнесения аксиом и тематики “лингвистического поворота” в юриспруденцию и переосмысление на этой основе постулатов юспозитивизма, провозглашает построение общей и описательной теории права (“прояснение специфической структуры внутригосударственной правовой системы”) на основе анализа обыденного языка (“знания, присущего любому образованному человеку”), связывая употребление различных слов в юридически значимых рассуждениях (дискурсе) с наличием различных видов правил, указывающих на существование различных социальных функций, которые такие правила выполняют⁸.

Вслед за ним, отталкиваясь от анализа правовых навыков (умений, требуемых для применения официальных стандартов и положений), Д. Раз строит правовую теорию (“жесткий позитивизм”), призванную эксплицировать понятие права, присущее обществу, понятие, существующее относительно независимо и от его применителей (в первую очередь, судей), и от его исследователей⁹.

К сторонникам второго подхода можно причислить основателей юспозитивизма, Джереми Бентама¹⁰ и особенно Джона Остина. В проекте

⁸ См.: *Hart H.L.A.* Op. cit. Preface, Ch. 1, Postscript. P. 239-244. См. также: *Касаткин С.Н.* Основной труд Герберта Л.А. Харта (на публикацию русского издания книги “Понятие права”) // Вестн. тр. Самар. гуманит. акад. Серия “Право”. 2007. № 2. С. 5-15; *Он же.* Основные идеи “Постскриптума” Герберта Л.А. Харта // Вестн. тр. Самар. гуманит. акад. Серия “Право”. 2008. № 1 (3). С. 3-27.

⁹ См.: *Raz J.* Authority of Law. Essays on Law and Morality. Oxford, 1979. P. 37-52 ff.; *Idem.* Two Views of the Nature of the Theory of Law // Legal Theory. 1998. № 4. P. 256, 280 ff.; *Idem.* Can there be a theory of law? // The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory / Golding & Edmundson (eds.). Malden, MA, 2005. P. 324-342.

¹⁰ См.: *Bentham J.* Of Laws in General. L., 1970. Ch. XVII; и др.

последнего описание права как предмета юриспруденции предполагает установление четкой границы понятий (в частности, разделение правоположений, называемых так правильно (т.е. вычленение “позитивного права”, обеспеченных санкциями приказов суверена), и правоположений, называемых так неправильно (например, норм положительной морали и пр.)) и необходимая корректура обыденного языка¹¹.

Промежуточную позицию занимает один из представителей современного юснатурализма Джон Финнис. Принимая фундаментальную многозначность словоупотребления, он отстаивает неравную ценность различных трактовок правовых понятий для правовой теории и социальной практики, указывает на различие их центрального (“фокального”) и периферийного значения по критерию их способности служить (надлежащим) основанием/обоснованием для действия¹².

Особой можно признать точку зрения Рональда Дворкина, который оспаривает саму возможность (значимость) описательной правовой теории (в частности, проекта Харта), полагая юриспруденцию частью национальной правовой доктрины, осуществляющей конструирование и оправдание правовых концептов (оснований права и правоположений), построенных на них конкретных судебных решений. Правовые понятия мыслятся здесь не как данности, но как результаты “конструктивного истолкования” нормативного материала на основе принципов, наиболее подходящих институциональной традиции и складу правовой системы и обеспечивающих ему наилучшее моральное оправдание¹³.

Обобщая сказанное, можно отметить, что все существующие теоретико-правовые построения так или иначе используют обыденные конструкты, различаясь, однако, в своем отношении к ним (их рассмотрение в качестве цели / объекта описания либо в качестве средства / производственного ресурса).

¹¹ См.: *Austin J.* The Province of Jurisprudence Determined. L., 1832. Lect. I. ff.

¹² См.: *Finnis J.* Natural Law and Natural Rights. Oxford, 1980. Ch. 1; *Idem.* Natural Law: The Classical Tradition // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / J. Coleman, S. Shapiro (Eds.). Oxford, 2002. P. 15-18; и др.

¹³ См.: *Dworkin R.* Law's Empire. Cambridge, L., 1986. О критике возможности ценностно-нейтральной юриспруденции см. также: *Perry S.* Interpretation and Methodology in Legal Theory // Law and Interpretation: Essays in Legal Philosophy / A. Marmor (ed.). Oxford, 1995. P. 97-135; *Dickson J.* Evaluation and Legal Theory. Oxford, 2001; и др.

Выстраивая свое отношение к обыденному языку (решая проблему учета последнего) важно принять во внимание следующее. С одной стороны, обыденное словоупотребление носит “открытый характер” (оно неясно, непоследовательно, противоречиво, запутанно и вводит в заблуждение) и само составляет проблему¹⁴, а значит не может ни разрешить, ни запретить тот или иной вариант определения понятия / построения теории, ни обеспечить для этого надежный ориентир. С другой стороны, обыденный язык имеет презюмируемое хронологическое первенство по отношению ко всяким проектам его описания/реформы, он оказывается уже принятым и используемым в актуальных речевых/социальных практиках и обладает некоторой степенью функциональности, воспроизводя значимые интересы и отношения, а потому способен (и будет) конкурировать с новоязом с неочевидным успехом для последнего. В связи с этим при определении/выборе границ понятия в рамках любой из представленных стратегий следует как соизмеряться с наличной языковой практикой, так и удерживать собственные, нетождественные с ней основания¹⁵.

Применительно к дескриптивной правовой теории требуется обоснование существования (“фактичности”) описываемого объекта, его доступности сколько-нибудь строгой и функциональной идентификации, а равно социальной и юридической значимости его описания¹⁶. В рассматриваемом случае полностью аутентичная дескрипция является скорее “идеальным типом”, поскольку (а) “обыденный язык” не составляет объект с четкими границами и (пере)структурируется своим осмыслением/“описанием”, (б) теория словоупотребления как “конструкт второго порядка” уже включает в себе элемент упорядочивания

¹⁴ См., например: *Hart H.L.A.* Op. cit. Ch. 1; *Moles R.* Definition and Rule in Legal Theory. Oxford, 1987. Ch. 2.

¹⁵ См. опыт описания критериев выбора правопонимания: *Ветютнев Ю.Ю.* Выбор правопонимания: значение и критерии // Проблемы понимания права. Саратов, 2007. С. 143-168. Как кажется, принятие положений данной работы предполагает пересмотр позиций, разделяемых автором упоминаемой статьи.

¹⁶ Ср.: *Пермяков Ю.Е.* Позитивистское и метафизическое начало в философском познании права // Право и политика. 2007. № 7. С. 7-13; *Он же.* Нарративная проблематика в структуре юридической теории // Проблема правосубъектности: современные интерпретации: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2008. С. 27-31.

(= реформирования)¹⁷, к тому же (в) получаемые “мета-конструкты” не существуют как внешние лингвистической практике сообщества и также “включаются” в нее, обновляя и изменяя последнюю, действуя как еще одна разновидность языковой игры. Отсюда разделение названных проектов условно и проводится по их целевой/ценностной установке.

Примечательно, что в отечественном правоведении первая модель даже не осмысливается как цель, что, как кажется, связано с отсутствием постановки проблемы языка и обыденного словоупотребления и, как следствие, ее игнорированием концепциями “описательной” ориентации, их методологической неадекватностью названному проекту¹⁸.

Что касается реформы словоупотребления, то оно предполагает как прояснение целей переопределения, так и четкое указание критериев правильного и неправильного, обоснование социальной и юридической значимости новояза, его предпочтительности по сравнению с существующими в различных сферах лингвистическими практиками¹⁹.

¹⁷ Ср. с позицией Дж. Колмана: “Тогда как значение термина или понятие, которое он выражает, конечно, внутренне связаны с его употреблением, это трудно уловимое отношение никогда не может быть схвачено простым описательным проектом, нацеленным на сведение в таблицы совпадений общего словоупотребления. Такой проект в большинстве случаев может дать лишь смутное и неопределенное представление... Анализировать понятие права означает, помимо прочего, объяснить данное понятие, артикулируя критерии его употребления, которые позволяют нам быть более точными, чем мы могли бы быть в противном случае, используя выражение “право”. Это отвечает нормам построения теории и нацелено на то, чтобы дисциплинировать употребление и упорядочить мысль. [В этом смысле] ...любое объяснение или теория понятия права нормативна... Анализ понятия права представляет собой руководимую нормами деятельность и нацелен на то, чтобы упорядочивать словоупотребление и дисциплинировать мысль...” (Coleman J. Methodology // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / J. Coleman, S. Shapiro (Eds.). Oxford, 2002. P. 313).

¹⁸ Речь, в частности, идет о неприменении инструментария современного концептуального и дискурс-анализа, и связанным с этим пренебрежением принципами контекста, разнообразия, неопределенности, перформативности, доктриной “семейных сходств”, парадигмального и нетипичного словоупотребления и т.п. См., например: *Вутгенштейн Л.* Указ. соч.; *Hart H.L.A.* Op. cit. Ch. 1; *Idem.* Definition and Theory in Jurisprudence. Oxford, 1953; *Jackson F.* From Metaphysics to Ethics: A Defense of Conceptual Analysis. Oxford, 1998; *Endicott T.* Op. cit.; *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М., 2003; и др.

¹⁹ Ср. с позицией Р. Эдвинссона: “В вопросах, связанных с описаниями правильного словоупотребления, следует спросить, что делает описанное употребление правиль-

Догма права как проект юридикации языка

Сказанное выше позволяет осуществить дифференциацию правовой догматики (аналитического правоведения) - как специфически юридического проекта - через прояснение ее позиции относительно словоупотребления.

Юридическую догматику можно представить, с одной стороны, как проект и практику формально-логического изложения официального права (совокупности положений и правил, явленных в (лингвистической) деятельности властных инстанций и граждан, соотносенной с официальными текстами): его описание, обобщение, классификация и систематизация, установление юридических принципов и определений, создание юридических конструкций; с другой - как практику осмысления/конструирования социальности с официально-правовых позиций²⁰. Объектом догмы выступает не “естественное” словоупотребление, но “искусственный” язык, за описаниями которого стоит провозглашенная нормативная норма. Согласие на этот счет отсутствует. Только благодаря упомянутой доступности, касающейся того, что есть право на самом деле, или касающейся цели права, правильное употребление обнаруживает себя... Стремление [корректурного словоупотребления] может состоять в том, чтобы сделать использование языка более единообразным. Однако вряд ли теоретики обсуждают употребление таких слов как “право” только с этой целью. Если, вместо этого, стремление охватывает цель облегчения нашего понимания друг друга, разумно предположить, что единообразное использование языка имеет вспомогательное значение. В отношении этого более широкого стремления, доводы “за” или “против” альтернативного употребления становятся решающими”. И далее: “Предписать определенное словоупотребление в ситуации, где есть язык и несколько пользователей этого языка, вряд ли облегчает понимание... [Более того] определенная трактовка значения слова, свободная от контекста и намерений пользователя языка, угрожает стать препятствием обсуждению и пониманию другого” (*Edvinsson R.* The Quest for the Description of Law. Berlin, Heidelberg, 2009. P. 84).

²⁰ См., например: *Перинг Р.* Юридическая техника. М., 2008; *Муромцев С.А.* Что такое догма права? // Вестн. тр. Самар. гуманит. акад. Серия “Право”. 2007. № 4; *Новгородцев П.И.* Государство и право // Вопр. философии и психологии. 1903. Кн. 74-75; *Васьковский Е.В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002; *Зорькин В.Д.* Позитивистская теория права в России. М., 1978; и др. Ср. также с проектами “чистой” теории права Г. Кельзена (см.: *Кельзен Г.* Чистое учение о праве: Сб. переводов. Вып. 1. М., 1987; Вып. 2. М., 1988), догмы права С.С. Алексеева (см.: *Алексеев С.С.* Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М., 1998), аналитического правоведения Ю.Е. Пермякова (см.: *Пермяков Ю.Е.* Философские основания юриспруденции. Самара, 2006).

логика, принцип вменения²¹, собственная, несводимая к повседневной причинность²²; обыденные конструкты применяются здесь постольку, поскольку это не противоречит правилам юридического языка²³.

Переописание/конструирование мира на языке официального права обуславливает и метод (критерий, процедуру) спецификации правовой догматики. Его можно обозначить как “юридическое вопрошание” – постановка вопроса о юридическом значении определяемого понятия (т.е. связанных с ним различении/изменении в правовой квалификации, правовом статусе/режиме, гарантированности правомочий, обязательности и принудительности юридических следствий и т.п.). Сообразно с этим дифференциация правовой догмы, выстраивание ее терминосистемы, требует перевода абстрактных вопросов (“что это такое?”) в вопросы о юридически значимом употреблении данной лингвистической единицы, изменение общей последовательности шагов в построении понятия. Вместо непроясненного постулирования/производства “естественных” данностей, реификации доктринальных и обыденных суждений должно быть осознание (юридического) значения понятия/концептуализируемой предметности, задающее горизонт (цели, методологию) осмысления, критерии выбора из потенциального множества трактовок и проведения (пере)структурирующей словоупотребление границы понятия/явления, установления его дефиниции и иных характеристик (признаков, сущности, структуры, функций, классификации, действия, идеала, нормы и патология и пр.): [многообразие контекстов и интерпретаций] ↔ значение → [цель, методология] → определение → иные характеристики.

Таким образом, обособление юридической догматики в череде различных дискурсов о пра-

²¹ Кельзен Г. Указ соч. Вып. 1. Гл. III.

²² Hart H.L.A., Honoré T. Causation in the Law. 2nd ed. Oxford, 1985.

²³ Признание взаимнесводимости языковых игр, по видимому, не означает наличие между ними строгих границ. См., например, использование перформативов в приписывании прав и ответственности в юридическом и обыденном языках (Hart H.L.A. The Ascription of Responsibility and Rights // Essays on Logic and Language. 1951. Vol. 7. P. 145-166) и общность “внутренней логики” правовых и юридических суждений как утверждений о статусе лица и принадлежности вещи (Пермяков Ю.Е. Правовые суждения. Самара, 2005). Кроме того, можно утверждать, что обыденный язык выступает для правовой догмы ресурсом при построении системы юридического словоупотребления.

ве требует инвентаризации понятий отечественной теории права (юриспруденции в целом) и их последовательной юридизации (переописания с позиций юридической значимости, соотносительности с языковой игрой официального права)²⁴. “Юридическое вопрошание” в таком контексте будет составлять как ориентир и логику формирования понятий и теоретических утверждений, так и указывать на критерий их проверки (верификации и фальсификации).

По своему функциональному статусу юридическая догматика неоднородна. Она ориентирована прежде всего на описание и систематизацию своего объекта, призвана раскрыть полноту языковой игры официального права, ее “внутреннюю” логику, мифологию, легитимность, ее теорию бытия, познания, ценности и т.п. Отсюда критика официального нормативного материала осуществляется с позиций его (минимальной) функциональности и системности, формально-логических параметров²⁵.

С другой стороны, правовая догма может включать и “глубинную грамматику” юридического языка, его “терапию”, прояснение и деконструкцию его реифицирующих оборотов²⁶, укорененную в других лингвистических играх (от повседневности, как базовой реальности, до экономики, социоинженерии, религии, этики и философии).

Кроме того, упорядочивая юридико-языковую практику, юридическая догматика наряду с официальными инстанциями соучаствует в воспроизводстве (“языковой игры”) права, в спорах о содержании его положений, конституирует национальную правовую доктрину (включая сами кри-

²⁴ Это предприятие составляет оппозицию развивающему идеи (прежде всего американского) правового реализма проекту “натурализации юриспруденции” Брайана Лейтера (см.: Leiter B. Naturalizing Jurisprudence: Essays on American Legal Realism and Naturalism in Legal Philosophy. Oxford, 2007).

²⁵ Здесь возможны различные формулировки критериев подобной оценки и критики. Речь, например, может идти о полноте, непротиворечивости, независимости официального права (см.: Alchourron C.E., Bulygin E. Normative Systems. Wien - N.Y., 1971. P. 7-64; и др.), о ясности его положений (отсутствия их темноты, неточности, неполноты и двусмысленности) (см.: Васильковский Е.В. Указ. соч. Гл. 6; и др.) и пр.

²⁶ Ср. с функцией стоящей философии у позднего Витгенштейна, нацеленной на прояснение иллюзорности и мифологичности языковой игры, терапию слова, выявление (устранение) ложных проблем, порожденных неправильным использованием языка (см.: Витгенштейн Л. Указ. соч.). См. также: Войниканис Е.А. Указ. соч.

терии правового и официального) и обоснования юридических правил и умозаключений, действуя тем самым как система практически ориентированных нормативных шаблонов юридической аргументации и принятия официальных решений²⁷.

Наконец, сосредотачиваясь на формально-логической обработке объекта своей “заботы” и зачастую абстрагируясь от его рациональных оценок, юридическая догма осуществляет (скрытую) легитимацию официального права.

Предметно-методологические и функциональные черты правовой догмы, ее практическая ориентированность на конструирование и воспроизводство языка конкретной правовой системы указывают на ее преимущественно пароклиальный (неуниверсальный) характер, ведя при радикальной трактовке к отрицанию возможности и/или значимости построения общей юриспруденции, при умеренной - к закреплению за ней вторичной, вспомогательной роли²⁸.

Поступила в редакцию 04.03.2009 г.

²⁷ Ср. с позицией Р. Дворкина, отвергающего как “ослабляющее правовую теорию” жесткое различие между описанием, с одной стороны, и интерпретацией, оправданием и оценкой, с другой, и полагающего любую правовую концепцию истолковательной “по отношению к конкретному этапу исторически развивающейся практики”, а юриспруденцию - скрытой частью самого права, “общей частью принятия судебного решения, молчаливым прологом к любому решению в праве” (*Dworkin R.* Op. cit. P. 102, 90). Ср.: “Задача юридической науки состоит в том, чтобы доктринально обосновать условия логической возможности правового суждения и [тем самым] выработать правила, в соответствии с которыми в правоприменительной практике можно было бы оспаривать те или иные нормативные акты и правовые суждения” (*Пермяков Ю.Е.* Указ. соч. С. 111). См. также: *Peszenik A.* Scientia Juris: Legal Doctrine as Knowledge of Law and as a Source of Law // *Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence.* Vol. 4. Dordrecht, 2005; *Alexy R.* Theorie der juristischen Argumentation. Frankfurt. 1979; *Атиенза М.* Евгений Булыгин и теория юридической аргументации // *Правоведение.* 2008. № 3. С. 179-188; *Moore M.* The Need for a Theory of Legal Theories: Assessing Pragmatic Instrumentalism // *Cornell Law Review.* 1984. Vol. 59.

²⁸ См.: *Dworkin R.* Op. cit.; *Касаткин С.Н.* Теория права в контексте культурного многообразия: проблемы универсальности // *Изв. Науч. центра Св. Дазия Доростолско-го.* Кн. II. 2007. С. 427-436.

ANNOTATIONS TO THE ARTICLES

Law and Economics Issues. 2009. № 4

INSTITUTIONAL FACTORS OF STABLE DEVELOPMENT

© 2009 A.R. Salikhov

The article considers the interrelation of institutional structure with stable development. The author analyses the influence of reform institutes, market institutes, ownership institutes and monetary institutes on various aspects of stable development.

ORGANIZATIONAL-CULTURAL MEASUREMENT INSTITUCIONAL' ENVIRONMENTS AND ITS INFLUENCE ON CHARACTER AND TYPES OF INNOVATIVE DEVELOPMENT

© 2009 I. Bunimovich, G. Simeon, A. Salikhov, R. Khajrullin

The system of the institutes adjusting non-uniformity of distribution of authority in hierarchical structures of management is presented. Necessity of allocation, structurization, a concrete definition and the subsequent research of the given institutes for definition of an orientation and the maintenance spent by the state institutional' reforms is revealed.

DIALECTICS OF HISTORICAL PROCESS OF CIVIL SOCIETY FORMATION

©2009 V. Grodskiy

It is analyzed dialectic laws of market economy formation which is the civil society as set of goods producers and goods consumers.

ABOUT SOME QUESTIONS OF THE ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN CONDITIONS OF THE MARKET

© 2009 S. Revina

Problems of definition of the administrative responsibility in conditions of modern market attitudes are considered, the analysis of административ-th responsibility in a broad sense is given, character of norms адми-нистративной the responsibility is investigated.

**DECONSTRUCTION OF THE SUBJECT OF CONSTITUENT AUTHORITY IN THE WEST-
EUROPEAN LEGAL PHILOSOPHY OF NEW TIME**

© 2009 V. Tokarev

In clause the construction of the subject of constituent authority, on the material of political-legal doctrines of an epoch of Education is analyzed. Being placed in legal and political spheres, it appears a starting point for reflections about a crisis situation as the ontologic basis of the right and at the same time it represents itself as the reflexing and making the legal decision instance.

PROBLEMS OF STRUCTURAL COMMUNICATIONS OF PUBLIC LAW

© 2009 E. Haritonova

In clause theoretical problems of definition of a category “structural communications of public law” are analyzed, influence of the nature of public law on system of structural communications of the given phenomenon is analyzed.

**ABOUT THE FORM OF REALIZATION BY MILITARY MEN OF THE RIGHT TO THE
REFERENCE TO OFFICIALS OF MILITARY UNIT**

© 2009 A. Azarkhin

The essence and value of the right to the reference of military men to officials of military unit in the mechanism of protection of human rights in Armed forces of the Russian Federation is analyzed. Forms of references reveal, necessity of exception of the special form of the reference - the official report - as inappropriate on the legal purposes and the maintenance to problems of realization by military men of the right to protection of the rights, freedom and legitimate interests proves.

**LANGUAGE USE AND LEGAL THEORY.
LANGUAGE OF LEGAL DOGMATICS**

© 2009 S. Kasatkin

This article is aimed at explication of the problem of language in Russian and Western jurisprudence, at analysis of the possible strategies and modes of treatment of the latter ones toward existing (ordinary) language-use. In this paper the foundations, logics and functional direction of legal dogmatics, interpreted as the enterprise of juridization of language, are also elucidated.

Как правильно подготовить статью
в “Вопросы экономики и права” на персональном компьютере

Материал статьи представлять *на электронном носителе* в программе Word (дискета с одним файлом, содержащим последний вариант статьи) и в виде *четкой распечатки на бумаге*, точно соответствующей файлу.

Набор текста

тип шрифта **Таймс**
размер шрифта **14 пт**
абзацный отступ 0,5 см (устанавливать
через окно “Абзац”, **не пробелами
и не табуляцией**)
межстрочный интервал “полуторный”

Набор таблиц

тип шрифта **Таймс**
размер шрифта **13 пт**
линейки внешние (рамка) **1,5 пт**
линейки внутренние **0,75 пт**

Набор формул

в редакторе формул
все символы прямым шрифтом

Набор ссылок на литературу (сноски)

размещение внизу страницы
(меню “Вставка” подменю “Сноска”)
тип шрифта **Таймс**
размер шрифта **12 пт**

Рисунки (графики, диаграммы)

в редакторах Word, Excel - **только черно-
белые**

! Запрещается вставлять в статью сканированные рисунки (графики, диаграммы)

! Использовать стиль “Normal” или шаблон “Обычный”

*При нарушении требований к оформлению материалов
рукописи не публикуются!*

Образцы оформления

**Налоговые расследования
как аналитическая составляющая налогового контроля**

© 2008 Э.В. Вязова

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, г. Уфа

Рассматриваются вопросы налоговых расследований, перед которыми стоит сложная задача - выявить факт неуплаты налогов в бюджет, зафиксировать его путем проведения экономического исследования всех необходимых финансовых характеристик и рассчитать размер сокрытых доходов, используя непрямые методы определения сумм налогов.

(Текст статьи)

TAX INVESTIGATION AS AN ANALYTICAL COMPONENT OF CONTROL

© 2008 E. Vyazova

Tax investigation is aimed at a complicated task - revealing of tax non-payment into the fudged, their stating due to an economic research of all necessary financial characteristics, calculating the amount of income concealed ty means of using indirect methods of determining the amount of taxes.

